

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Гражданское право и процесс»

(наименование)

40.05.01. Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Гражданско-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему Кабальные сделки в российском частном праве: понятие, особенности правовой квалификации

Обучающийся

С.К. Ефимов

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент И.В. Маштаков

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Институт кабальных сделок, закрепленный в статье 179 Гражданского кодекса Российской Федерации, является одним из важнейших правовых механизмов, направленных на обеспечение баланса интересов участников гражданского оборота и защиту слабой стороны от злоупотреблений со стороны контрагента. Особую актуальность данная проблематика приобретает в современных условиях экономической нестабильности, когда возрастает риск заключения сделок на крайне невыгодных условиях вследствие тяжелых обстоятельств.

Цель исследования заключается в комплексном теоретико-правовом анализе института кабальных сделок в российском частном праве, выявлении особенностей их правовой квалификации и проблем правоприменительной практики.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи: раскрыть понятие и виды недействительности сделок в гражданском праве; раскрыть понятие и правовую природу кабальных сделок; проанализировать критерии определения явной невыгодности условий сделки; выявить условия квалификации сделки как кабальной; изучить последствия признания сделки кабальной; исследовать проблемы правоприменительной практики и предложить пути их решения по вопросам правового регулирования кабальных сделок в гражданском праве.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и включает введение, три главы, состоящие из шести параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Общий объем работы составляет 72 страницы.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Общие положения о недействительных сделках и теоретические основы института кабальных сделок	7
1.1 Понятие и виды недействительности сделок в гражданском праве: общая характеристика	7
1.2 Понятие и правовая природа кабальных сделок	15
Глава 2 Правовая квалификация кабальных сделок и условия их недействительности	27
2.1 Критерии определения явной невыгодности условий сделки	27
2.2 Условия квалификации сделки как кабальной	38
Глава 3 Практические аспекты правоприменительной практики по кабальным сделкам	48
3.1 Последствия признания сделки кабальной	48
3.2 Проблемы правоприменительной практики и пути их решения .	52
Заключение	66
Список используемой литературы и используемых источников	70

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена особой значимостью института кабальных сделок в современном гражданском праве России. В условиях динамично развивающихся экономических отношений и возрастающей сложности гражданского оборота особую важность приобретает защита прав участников гражданских правоотношений от несправедливых и явно обременительных условий сделок.

Современное развитие рыночной экономики, усложнение договорных конструкций и появление новых форм экономического взаимодействия создают условия, при которых возрастает риск злоупотреблений со стороны экономически более сильных участников гражданского оборота. В этих условиях особую значимость приобретает эффективное функционирование правовых механизмов защиты слабой стороны договора, одним из которых является институт кабальных сделок.

Необходимость теоретического осмысления данного института также обусловлена тем, что в современной цивилистической доктрине отсутствует единое понимание правовой природы кабальных сделок, их места в системе недействительных сделок и условий их недействительности. Кроме того, анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии существенных проблем в квалификации сделок как кабальных, что требует выработки четких критериев такой квалификации.

Институт кабальных сделок, закрепленный в статье 179 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), является одним из важнейших правовых механизмов, направленных на обеспечение баланса интересов участников гражданского оборота и защиту слабой стороны от злоупотреблений со стороны контрагента.

При этом особую актуальность данная проблематика приобретает в современных условиях экономической нестабильности, когда возрастает риск

заключения сделок на крайне невыгодных условиях вследствие тяжелых обстоятельств.

Цель исследования заключается в комплексном теоретико-правовом анализе института кабальных сделок в российском частном праве, выявлении особенностей их правовой квалификации и проблем правоприменительной практики.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- раскрыть понятие и виды недействительности сделок в гражданском праве;
- раскрыть понятие и правовую природу кабальных сделок;
- проанализировать критерии определения явной невыгодности условий сделки;
- выявить условия квалификации сделки как кабальной;
- изучить последствия признания сделки кабальной;
- исследовать проблемы правоприменительной практики и предложить пути их решения по вопросам правового регулирования кабальных сделок в гражданском праве.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе заключения и оспаривания кабальных сделок в российском гражданском праве.

Предметом исследования являются нормы гражданского законодательства, регулирующие институт кабальных сделок, а также правоприменительная практика по делам о признании сделок недействительными вследствие их кабального характера.

Теоретическую основу исследования составляют труды ведущих российских цивилистов, внесших значительный вклад в разработку проблем недействительности сделок. Непосредственно в данной работе использованы научные труды таких ученых, как В.А. Анисимов, А.М. Багаутдинова,

В.А. Гужвий, А.Г. Карапетов, Е.А. Ломакина, М.В. Малахаева, Т.Ю. Родина, Е.М. Тужилова-Орданская, Е.В. Федулина, В.В. Цыганков.

Нормативно-правовую основу исследования составляют Гражданский кодекс Российской Федерации, иные нормативно-правовые акты.

Эмпирическую основу составляют материалы судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, арбитражных судов и судов общей юрисдикции.

Методологическую основу настоящего исследования составляют общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частно-научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). Использование указанных методов позволило всесторонне исследовать институт кабальных сделок, выявить особенности их правовой квалификации и сформулировать предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и включает введение, три главы, состоящие из шести параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общие положения о недействительных сделках и теоретические основы института кабальных сделок

1.1 Понятие и виды недействительности сделок в гражданском праве: общая характеристика

Институт недействительности сделок является одним из основополагающих в гражданском праве, поскольку обеспечивает стабильность и законность гражданского оборота. Его значимость определяется необходимостью защиты прав и законных интересов участников гражданских правоотношений, а также публичных интересов общества и государства. В современных условиях развития экономических отношений особую актуальность приобретает детальное изучение теоретических и практических аспектов недействительности сделок, включая основания их недействительности, последствия признания сделок недействительными и механизмы защиты прав добросовестных участников гражданского оборота.

Развивая легальное определение сделки, современная цивилистическая доктрина уделяет особое внимание вопросам недействительности сделок и их правовым последствиям. По мнению Е.С. Болтановой, недействительность сделки представляет собой отсутствие или последующее прекращение правового эффекта, связанное с различными пороками. «Недействительность сделки (или иного юридического акта) – это отсутствие (то есть изначальное ненаступление или последующее прекращение, но, как правило, с обратной силой) правового эффекта, на который она была направлена, связанное с теми или иными ее пороками» [3, с. 28].

С точки зрения Е.С. Болтановой, существуют две основные формы порочности сделок – ничтожность и оспоримость. Как отмечает автор, «ничтожная сделка недействительна с самого начала (*ab initio*), то есть уже с момента своего совершения» [3, с. 28].

Автор подчеркивает, что оспоримая сделка имеет существенные отличия от ничтожной: «оспоримая сделка, в отличие от ничтожной, недействительна только в силу признания ее таковой судом» [3, с. 28].

Е.С. Болтанова выделяет, что пороки сделки могут касаться различных аспектов: субъектов сделки, процесса формирования воли, соответствия между волей и ее изъявлением, формы волеизъявления, содержания и цели сделки. По мнению автора, особое значение имеют последствия недействительности сделок. «При недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре возместить его стоимость» [3, с. 28]. Е.С. Болтанова акцентирует внимание на том, что законодатель устанавливает оспоримость тех сделок, пороки которых затрагивают частный интерес одной из сторон, и ничтожность тех, пороки которых связаны с нарушением публичных интересов или интересов третьих лиц.

Особое внимание автор уделяет институту реституции как последствию недействительности сделок. «Реализацию обязательств по возврату предоставленного по недействительной сделке или по компенсации его стоимости в отечественной доктрине принято именовать реституцией» [3, с. 28].

Углубляя понимание природы недействительных сделок, современные исследователи предлагают различные подходы к их классификации и определению правовых последствий. По мнению Д.Н. Кархалева и М.В. Громоздиной, в гражданском праве существует два основных подхода к пониманию природы недействительной сделки. Первый подход предполагает, что недействительная сделка не влечет правовые последствия. Второй подход допускает возможность возникновения имущественных последствий для защиты интересов определенных лиц.

Авторы подчеркивают особенность разграничения абсолютной и относительной недействительности сделок. «Отличие состоит в том, что на абсолютную ничтожность может ссылаться кто угодно, в случае

относительной - только сторона, у которой имелся порок воли или волеизъявления» [13, с. 101].

С точки зрения Д.Н. Кархалева и М.В. Громоздиной, относительная недействительность означает, что распоряжение является действительным по отношению ко всем третьим лицам, но недействительно по отношению к защищаемому запретом лицу в той мере, в какой этого требует реализация цели запрета.

Ученые акцентируют внимание на механизме относительной недействительности, который реализуется в два этапа. «Сначала защищаемое запретом лицо должно создать все предпосылки по отношению к другой стороне сделки в той мере, в какой она обязана и может их выполнить, затем недостающие моменты заменяются особым обеспечительным правом» [13, с. 101]. Важным аспектом исследования является анализ последствий недействительной сделки. Авторы указывают на существование двусторонней и односторонней реституции. «Смысл и основание односторонней реституции состоят в том, что в соответствующих случаях недействительность договора обуславливается неправомерными, виновными действиями одной из сторон» [13, с. 101].

Д.Н. Кархалев и М.В. Громоздина подробно рассматривают проблему добросовестности третьего лица-приобретателя при относительной недействительности сделки. Они отмечают важность фиксации добросовестности на момент приобретения вещи.

Особое внимание авторы уделяют соотношению сроков исковой давности и сроков давностного приобретения в контексте относительной недействительности сделки. Ученые подчеркивают, что для конструкции относительной недействительности сделки не характерно «расщепление» собственности, что является важным отличительным признаком данного института.

По нашему мнению, концептуальный подход Д.Н. Кархалева и М.В. Громоздиной к исследованию института относительной

недействительности сделок заслуживает поддержки и высокой научной оценки. Авторы не только представили глубокий теоретический анализ проблемы, но и предложили практически применимые механизмы реализации относительной недействительности сделок. Особенно ценным представляется разработанный ими двухэтапный механизм реализации относительной недействительности, который позволяет эффективно защищать права всех участников правоотношений. Заслуживает внимания и проведенный авторами детальный анализ правового положения добросовестного приобретателя, включая исследование вопросов течения срока приобретательной давности. Предложенные учеными теоретические конструкции имеют существенное практическое значение, поскольку способствуют формированию единообразной судебной практики и повышению стабильности гражданского оборота. Соглашаясь с авторами, отметим, что их подход к разграничению абсолютной и относительной недействительности сделок создает необходимый баланс между защитой прав конкретных участников сделки и общей стабильностью гражданско-правовых отношений, что особенно важно в современных условиях развития экономического оборота.

В продолжение исследования проблематики недействительности сделок особого внимания заслуживает вопрос о возможности их «исцеления» и значении данного института для стабильности гражданского оборота. По мнению М.А. Ткачевой, сделка является основным двигателем гражданского правооборота, а ее законность и стабильность позволяют участникам гражданского оборота уверенно осуществлять свои права. «Сделка представляет собой средство получения блага, которого можно достичь только выполнением ее сторонами обещанного» [29, с. 30].

С точки зрения автора, недействительные сделки разделяются на ничтожные и оспоримые. При этом М.А. Ткачева указывает на особый характер ничтожных сделок: «Ничтожество поражает эти сделки только при соприкосновении их с общественной властью, а независимо от того они существуют точно так же, как и сделки законные» [Д.И. Мейер].

Особое внимание М.А. Ткачева уделяет институту «исцеления» ничтожной сделки. «Исцеление ничтожной сделки правомерно допускается законом, несмотря на то что данное действие противоречит классическому тезису о том, что ничтожная сделка неисцелима» [29, с. 30].

Автор подчеркивает, что «исцеление» сделки должно быть исключительной мерой, предусмотренной только законом и применяемой исключительно судом. Целью такого «исцеления» является возвращение фактических отношений в сферу права.

М.А. Ткачева особо выделяет значение п. 5 ст. 166 ГК РФ, который дает возможность «исцеления» сделки посредством молчания суда о ничтожности договора как санкции за недобросовестное поведение стороны сделки.

По мнению автора, злоупотребление правом заключается в заявлении о ничтожности договора, который сторона ранее исполняла надлежащим образом и принимала исполнение от контрагента.

М.А. Ткачева подчеркивает, что «исцеление» ничтожной сделки в судебном порядке является санкцией за недобросовестное поведение стороны сделки, которая, несмотря на исполнение последней, ссылается на ее ничтожность. Автор отмечает, что при отсутствии недобросовестного поведения суд обязан исследовать действительность сделки и при необходимости применить последствия ничтожной сделки.

По нашему мнению, позиция М.А. Ткачевой относительно института «исцеления» ничтожных сделок заслуживает поддержки и дальнейшего развития. Автор справедливо отмечает необходимость поддержания стабильности гражданского оборота через механизм «исцеления» ничтожных сделок в случаях недобросовестного поведения сторон. Особенно важным представляется вывод о том, что данный институт служит действенным инструментом защиты добросовестных участников гражданского оборота и способствует развитию принципа добросовестности в гражданском праве. Соглашаясь с автором, отметим, что предложенный подход позволяет найти

баланс между необходимостью соблюдения требований закона и защитой законных интересов участников гражданского оборота.

Рассматривая дальнейшее развитие института недействительности сделок, важно обратиться к его историческим корням и современному значению в системе гражданского права.

По мнению Ю.В. Ивановой, недействительность сделок в российском законодательстве обусловлена необходимостью обеспечения соблюдения гражданских прав и законных интересов сторон. Она утверждает, что данный институт права не только восходит к римскому праву, но и сохраняет свою актуальность в современных правовых системах, что закреплено в статье 153 Гражданского кодекса РФ. «Сделки, будучи основным волевым действием, должны удовлетворять всем требованиям действительности, чтобы порождать правовые последствия» [8, с. 155].

Автор подчеркивает, что все недействительные сделки делятся на две категории: ничтожные и оспоримые. Особенностью ничтожных сделок является их изначальная юридическая недействительность, которая не зависит от признания их таковыми судом. Такие сделки не порождают прав и обязанностей для сторон. «Ключевой признак ничтожной сделки – ее противоречие законам или основам нравственности и правопорядка» [8, с. 155]. В качестве примеров автор приводит притворные и мнимые сделки, которые намеренно создаются с целью обмана либо прикрытия других действий.

С точки зрения Ю.В. Ивановой, оспоримые сделки имеют иной правовой статус. Они предполагаются действительными до тех пор, пока их недействительность не будет установлена судебным решением. Примером служат сделки, заключенные несовершеннолетними без согласия их законных представителей или сделки, совершенные лицами, которые находились под влиянием существенного заблуждения. «Существенное заблуждение подрывает основы волеизъявления, поскольку сторона не обладает адекватным представлением об условиях сделки» [8, с. 155].

Автор также отмечает, что законодательство предоставляет определенные исключения, касающиеся ничтожных сделок. Если такие сделки принесут выгоду недееспособным лицам или несовершеннолетним, они могут быть признаны действительными. Это демонстрирует гибкость подхода российского законодательства в защите интересов уязвимых групп граждан.

Кроме того, Ю.В. Иванова обращает внимание на случаи, когда сделки оспариваются из-за нарушения правил корпоративного управления. Если юридическое лицо выходит за рамки своих уставных целей или заключает сделки без согласия органов управления, такие сделки считаются оспоримыми. «Это подчеркивает значимость соблюдения внутреннего регламента деятельности юридических лиц для обеспечения законности их сделок» [8, с. 155].

Особый интерес представляют выводы автора о правовых последствиях недействительных сделок. «Недействительные сделки не только лишены юридической силы, но и не могут быть принудительно исполнены судом» [8, с. 156]. Таким образом, право регламентирует недействительность как способ защиты общественных интересов, правопорядка и моральных норм.

Мы согласны с автором в том, что различие между ничтожными и оспоримыми сделками является основополагающим для их правовой квалификации. Подчеркнутые особенности, такие как исключения для ничтожных сделок или механизмы оспаривания сделок, совершаемых под влиянием заблуждения, подтверждают необходимость сбалансированного подхода к регулированию. Такой подход способствует не только защите прав сторон, но и укреплению правовой культуры.

Рассматривая научную позицию автора, необходимо отметить системный подход к анализу недействительности сделок, учитывающий как теоретические основы, так и практические последствия их применения. Особую значимость представляет исследование механизмов защиты прав участников гражданского оборота через призму института

недействительности сделок. Автор убедительно показывает, как баланс между строгостью правового регулирования и гибкостью подхода к отдельным категориям субъектов способствует достижению целей гражданско-правового регулирования. Такой подход имеет существенное значение для развития законодательства и совершенствования правоприменительной практики в данной области.

Анализ научных позиций относительно института недействительности сделок позволяет сделать вывод о его комплексном характере и фундаментальном значении для гражданского права. Авторы единодушны в признании необходимости четкого разграничения ничтожных и оспоримых сделок, при этом особое внимание уделяется механизмам защиты прав добросовестных участников гражданского оборота. Существенный вклад в развитие доктрины внесли исследования института «исцеления» ничтожных сделок, концепции относительной недействительности и анализ правовых последствий недействительности сделок. Важным достижением современной цивилистики является разработка сбалансированного подхода к применению последствий недействительности сделок, учитывающего как необходимость соблюдения требований закона, так и защиту интересов добросовестных участников гражданского оборота.

Современное состояние института недействительности сделок характеризуется тенденцией к гармонизации частных и публичных интересов, что отражается в развитии механизмов защиты прав участников гражданского оборота при сохранении императивных требований к действительности сделок. Научные позиции авторов демонстрируют необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования недействительности сделок с учетом развития экономических отношений и появления новых форм гражданского оборота. При этом особое значение приобретает развитие института добросовестности и механизмов защиты прав участников гражданских правоотношений, что способствует повышению

стабильности гражданского оборота и эффективности правового регулирования в целом.

1.2 Понятие и правовая природа кабальных сделок

Институт кабальных сделок занимает особое место в системе недействительных оспоримых сделок гражданского права, являясь важным механизмом защиты прав участников гражданского оборота. В современных условиях развития экономических отношений особую актуальность приобретает проблема определения правовой природы кабальных сделок, их признаков и соотношения со смежными правовыми институтами. Законодательное закрепление данного института в статье 179 Гражданского кодекса РФ, хотя и создает основу для признания сделок недействительными по признаку кабальности, но порождает множество теоретических и практических вопросов. В частности, дискуссионными остаются вопросы о количественном составе признаков кабальной сделки, критериях определения «крайней невыгодности» условий, специфике применения данного института в предпринимательских отношениях, а также его соотношении с институтами несправедливых договорных условий и подозрительных сделок в банкротстве. В научной литературе представлены различные подходы к пониманию сущности кабальных сделок и их места в системе гражданско-правовых институтов, что свидетельствует о необходимости комплексного теоретического осмысления данной проблематики.

С точки зрения А.Я. Рыженкова, несмотря на закрепленное в статье 179 Гражданского кодекса РФ определение кабальной сделки, в научной литературе и судебной практике отсутствует единый подход к определению количественного состава признаков кабальной сделки и их единообразного понимания. Автор подчеркивает важность комплексного анализа всех квалифицирующих признаков.

По мнению А.Я. Рыженкова, ключевыми признаками кабальной сделки являются: «вынужденность совершения сделки, вследствие стечения тяжелых обстоятельств; сделка совершается на невыгодных для потерпевшего условиях; другая сторона по сделке осознает обстоятельства, в которых находится потерпевшая сторона и использует это в своих или чужих интересах заключая сделку» [24, с. 153]. При этом автор особо подчеркивает, что только одновременное наличие всех указанных признаков позволяет признать сделку кабальной.

А.Я. Рыженков обращает внимание на специфику применения правил о кабальных сделках к сделкам предпринимательского характера. «При желании элемент кабальности может быть обнаружен почти в любой сделке, направленной на получение прибыли. Однако убытки, вызванные экономическими просчетами, и несостоявшиеся надежды «сорвать куш» не могут покрываться за счет других участников оборота с помощью ссылок на кабальность сделок» [24, с. 153].

Особое внимание автор уделяет проблеме доказывания квалифицирующих признаков кабальной сделки. А.Я. Рыженков отмечает, что «необходимость доказывать совокупность квалифицирующих признаков, а также отсутствие единообразия толкования судами сущности квалифицирующих признаков ведет практически к невозможности признать оспариваемую сделку кабальной» [24, с. 153].

А.Я. Рыженков критически оценивает предложенные изменения в Гражданский кодекс РФ, отмечая, что расширение сферы применения конструкции кабальной сделки может привести к еще большему разобщению судов при применении данной нормы. Автор предлагает законодательно закрепить более четкое понятие кабальной сделки, указать на множественность тяжелых обстоятельств и отсутствие других вариантов заключения сделки у потерпевшей стороны.

Важным аспектом исследования А.Я. Рыженкова является анализ проблемы защиты прав третьих лиц при совершении кабальной сделки. Автор

отмечает, что «правом оспаривать совершение кабальной сделки обладает лишь потерпевший, под которым понимается одна из сторон кабальной сделки» [24, с. 153]. В связи с этим предлагается расширить понятие «потерпевший», включив в него лиц, чьи права были нарушены вследствие совершения кабальной сделки.

На наш взгляд, позиция А.Я. Рыженкова о необходимости совершенствования законодательного регулирования кабальных сделок представляется обоснованной. Особенно важным является предложение автора о необходимости отдельного регулирования кабальных сделок в предпринимательской сфере, учитывающего специфику таких правоотношений. Это позволило бы избежать злоупотреблений и обеспечить единообразие судебной практики.

Анализируя позицию автора, необходимо отметить комплексный подход к исследованию правовой природы кабальных сделок. Особую ценность представляет детальное рассмотрение практических аспектов применения норм о кабальных сделках, включая проблемы доказывания и специфику предпринимательских отношений. Автор убедительно демонстрирует необходимость законодательного совершенствования института кабальных сделок, что имеет существенное значение для развития правоприменительной практики и защиты прав участников гражданского оборота.

Если А.Я. Рыженков концентрирует внимание на проблеме практического применения норм о кабальных сделках и необходимости совершенствования законодательного регулирования, то В.А. Гужвий подходит к исследованию данного института с историко-правовой точки зрения, прослеживая эволюцию понятия «кабала» и его трансформацию в современном праве. С точки зрения В.А. Гужвиев, историческое происхождение термина «кабала» уходит корнями в арабскую культуру, где он обозначал договор или долговое обязательство, создающее личную и имущественную зависимость должника от займодавца. Автор подчеркивает,

что в современном понимании этот термин трансформировался, что отражено в толковом словаре С.И. Ожегова как «полная, почти рабская зависимость» [6, с. 948].

По мнению В.А. Гужвья, существенный прогресс в регулировании кабальных сделок в России начался в период «перестройки», когда был принят Закон «О преследовании ростовщических действий» 1983 года. Автор проводит параллель с немецким законодательством, где борьба с кабальными сделками началась раньше – в 1880 году с принятием Закона «О ростовщичестве». В.А. Гужвий формулирует авторское определение кабальной сделки как «соглашение между лицом, находящимся в вынужденном состоянии с лицом, которое недобросовестно воспользовалось нахождением контрагента в данном состоянии и ставящее первого субъекта в зависимое и менее выгодное положение по отношению ко второму» [6, с. 948].

Исследователь выделяет четыре ключевых признака кабальной сделки: крайне невыгодные условия, вынужденность заключения, наличие тяжелых обстоятельств и использование контрагентом тяжелого положения другой стороны. В.А. Гужвий особо подчеркивает взаимосвязанность этих признаков и обязательность их совокупного наличия.

Важным аспектом исследования В.А. Гужвья является анализ судебной практики, где автор обращает внимание на проблему разграничения понятий «крайне невыгодные условия» и «невыгодные условия». В.А. Гужвий приводит пример из практики Арбитражного суда Московского округа, который оставил в силе постановление суда второй инстанции, отменившее решение о признании договора лизинга недействительным. В мотивировочной части суд указал, что «для признания договора недействительным, необходимо условие заключения сделки под влиянием таких обстоятельств на крайне невыгодных, а не просто невыгодных условиях» [6, с. 948]. Автор критически оценивает определение Верховного Суда, где крайне невыгодные условия трактуются как «условия, не соответствующие интересу этого лица, существенно отличающиеся от условий аналогичных сделок» [6, с. 950]. По

мнению исследователя, данное толкование является оценочным, поскольку может быть применено и к просто невыгодным условиям. В связи с этим, В.А. Гужвий подчеркивает необходимость разъяснения высшей судебной инстанцией четких и ясных критериев признания условий сделки «крайне невыгодными», что позволит избежать неоднозначности в правоприменительной практике.

В.А. Гужвий приходит к выводу о необходимости более детального законодательного регулирования критериев кабальности сделки и предлагает перенять германский опыт, расширив перечень признаков такими критериями как неопытность, легкомыслие и слабоволие.

По нашему мнению, позиция В.А. Гужвия представляется обоснованной, особенно в части необходимости конкретизации критериев кабальности сделки. Предложение автора о заимствовании германского опыта может способствовать более эффективной защите прав участников гражданского оборота, находящихся в уязвимом положении. Рассматривая научный подход автора, следует подчеркнуть значимость историко-правового анализа института кабальных сделок. Предложенная автором трактовка признаков кабальности и критическая оценка судебной практики позволяют глубже понять сущность данного правового явления. Особенно ценным является сравнительно-правовой анализ с германским законодательством, который открывает перспективы для совершенствования отечественного правового регулирования в данной сфере.

В то время как В.А. Гужвий акцентирует внимание на внутренних признаках кабальной сделки, А.М. Багаутдинова и В.А. Анисимов расширяют проблематику исследования, поднимая важный вопрос о соотношении кабальных и несправедливых условий договора в современном гражданском праве. С точки зрения А.М. Багаутдиновой и В.А. Анисимова, проблема разграничения несправедливых условий договора и кабальных условий возникла после принятия революционного постановления ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и её пределах». Авторы подчеркивают, что

именно этот документ впервые официально закрепил концепцию несправедливых условий в российском праве.

А.М. Багаутдинова и В.А. Анисимов детально анализируют признаки несправедливых договорных условий, закрепленные в п. 2 и 3 ст. 428 ГК РФ. По мнению исследователей, главными критериями являются: «положения договора соответствуют положениям закона и иных правовых актов, однако являются явно обременительными для одной из сторон соглашения» [2, с. 80], а также определение этих условий контрагентом при явном неравенстве переговорных возможностей.

В отношении кабальных сделок авторы выделяют особый юридический состав, включающий следующие элементы: стечение тяжелых обстоятельств у потерпевшего, явно невыгодные условия, причинная связь между ними, а также осведомленность другой стороны об этих обстоятельствах. Исследователи особо отмечают, что «кабальные условия может сформулировать и сам потерпевший, тогда как механизм защиты от несправедливых условий предполагает, что именно участник, занимающий «сильную» переговорную позицию, составляет проект договора либо предлагает спорные положения» [2, с. 80].

Принципиально важным в позиции авторов является вывод о том, что несправедливые условия договора и кабальные условия имеют различную правовую природу. Исследователи считают ошибочным мнение о том, что они соотносятся как общее и частное. В подтверждение своей позиции А.М. Багаутдинова и В.А. Анисимов указывают на различия в механизмах защиты, сроках исковой давности и правовых последствиях применения этих институтов.

А.М. Багаутдинова и В.А. Анисимов приходят к выводу о необходимости законодательного уточнения и разграничения этих правовых механизмов. По мнению авторов, «для эффективной защиты прав участников гражданско-правовых договоров необходимо конкретно обозначить, какие

условия могут выступать предметом судебного ex post контроля при применении рассматриваемых механизмов защиты» [2, с. 80].

По нашему мнению, позиция А.М. Багаутдиновой и В.А. Анисимова является обоснованной и актуальной, особенно в части необходимости четкого законодательного разграничения институтов несправедливых и кабальных условий. Предложенный авторами подход к их разграничению позволяет избежать смешения правовых механизмов защиты на практике и способствует более эффективной защите прав участников гражданского оборота. Научный подход авторов отличается глубиной анализа соотношения институтов кабальных и несправедливых условий договора. Особую ценность представляет выявление различий в правовой природе этих явлений и механизмах защиты прав. Предложенная авторами концепция разграничения данных институтов имеет существенное значение для развития теории гражданского права и совершенствования правоприменительной практики.

Развивая проблематику несправедливых условий договора, затронутую Багаутдиновой и Анисимовым, Е.М. Тужиловой-Орданской и Е.В. Федудиной углубляют анализ, обращаясь к зарубежному опыту регулирования несправедливых договорных условий. С точки зрения Е.М. Тужиловой-Орданской и Е.В. Федудиной, для эффективной защиты интересов слабой стороны в договорных отношениях необходимо ограничивать свободу договора путем судебного контроля справедливости условий договора. При этом авторы отмечают отсутствие в российском законодательстве четкого определения понятия несправедливых договорных условий.

Анализируя зарубежный опыт, исследователи указывают, что в европейском праве несправедливыми признаются условия, которые создают значительный дисбаланс прав и обязанностей сторон. Как подчеркивают авторы, «в большинстве стран Латинской Америки общее понятие несправедливых условий не закреплено, законодатели регламентируют такие договорные условия путем их перечисления» [30, с. 1840].

Особое внимание уделяется американской модели контроля справедливости договорных условий. По мнению авторов, «американская доктрина выделяет два типа недобросовестности: недобросовестность содержания условия и недобросовестность переговорного процесса» [30, с. 1840].

В российской правовой науке, как отмечают исследователи, отсутствует единый подход к определению категории несправедливых договорных условий. Авторы приводят различные трактовки этого понятия, данные отечественными цивилистами. Так, «А.Д. Корецкий считает недобросовестными любые условия договора, которые объективно противоречат интересам одной стороны и не компенсируются предоставлением дополнительных благ со стороны другой» [30, с. 1840].

Важным вкладом авторов является анализ признаков несправедливости договорных условий. По их мнению, «во всех предложенных определениях несправедливости договора прямо или косвенно выделяется признак чрезмерного дисбаланса прав и обязанностей сторон» [30, с. 1840].

Соглашаясь с авторами, считаем необходимым отметить, что отсутствие в российском законодательстве четкого определения несправедливых договорных условий создает правовую неопределенность и затрудняет защиту слабой стороны договора. Представляется целесообразным закрепить в ГК РФ критерии несправедливости договорных условий, учитывая как содержательный, так и процедурный аспекты, что позволит обеспечить более эффективную судебную защиту прав участников гражданского оборота. Анализируя научную позицию авторов, следует отметить значимость компаративистского подхода к исследованию несправедливых договорных условий. Проведенный авторами анализ зарубежного опыта и российской доктрины позволяет выявить оптимальные пути развития отечественного законодательства в данной сфере. Особую ценность представляет выделение критериев несправедливости договорных условий, что имеет существенное значение для развития правоприменительной практики.

От общетеоретических вопросов справедливости договорных условий Т.К. Иванова переходит к специальным аспектам недействительности сделок в контексте банкротства, исследуя соотношение кабальных и подозрительных сделок. С точки зрения Т.К. Ивановой, одной из негативных тенденций последних лет является заключение несостоятельными должниками неэквивалентных, убыточных сделок на невыгодных условиях в преддверии или в период банкротства. Автор подчеркивает, что введение в законодательство о несостоятельности положений о подозрительных сделках создало конкуренцию в применении оснований недействительности сделок.

Исследователь обращает внимание на то, что закон о банкротстве выделяет две категории подозрительных сделок: при неравноценном встречном исполнении обязательств и сделки, совершенные должником в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов. При этом, как отмечает автор, «многие исследователи (Т.Е. Абова, А.Ю. Кабалкин, А.Я. Рыженков и другие) кабальные сделки относят к сделкам с пороками воли» [7, с. 1840].

Особое внимание автор уделяет различиям между подозрительными и кабальными сделками. По её мнению, «подозрительная сделка может быть совершена должником намеренно в целях спасения активов, вывода имущества из оборота посредством совершения сделок с дружественными кредиторами» [8, с. 1840]. В то время как, согласно позиции О.В. Сысоевой, на которую ссылается автор, «кабальная сделка не касается случаев, когда должник сам умышленно продал свое имущество по заниженной цене» [7, с. 1840].

Важным аспектом исследования является анализ процессуальных особенностей оспаривания сделок. Автор указывает, что спор о признании кабальной сделки недействительной рассматривается в исковом порядке, тогда как процедура признания подозрительной сделки недействительной носит квазиисковый характер и рассматривается в рамках дела о банкротстве.

Т.К. Иванова выделяет общие характерные черты подозрительных и кабальных сделок: «оспоримость сделки, невыгодность условий сделки для одной из сторон, очевидная и явная неравноценность встречного предоставления и как следствие неэквивалентность сделки» [8, с. 1840]. При этом различия проявляются в характере оснований недействительности, степени влияния волевого критерия, юридическом составе фактических обстоятельств и порядке рассмотрения заявлений.

Соглашаясь с позицией автора, считаем необходимым отметить, что проведенный сравнительный анализ подозрительных и кабальных сделок имеет существенное значение для правоприменительной практики. Четкое разграничение данных видов сделок позволяет более эффективно защищать права кредиторов при банкротстве должника и предотвращать злоупотребления в данной сфере. Исследовательский подход автора отличается системностью в анализе соотношения кабальных и подозрительных сделок в контексте банкротства. Особую значимость представляет выявление общих черт и различий между данными видами сделок, что имеет существенное практическое значение. Предложенные автором критерии разграничения способствуют более эффективной защите прав кредиторов и предотвращению злоупотреблений в процессе банкротства.

Анализ научных позиций различных авторов позволяет сделать вывод о многогранности и сложности института кабальных сделок в современном гражданском праве. Исследователи единодушны в признании необходимости совершенствования законодательного регулирования данного института, уточнения критериев кабальности и разграничения со смежными правовыми явлениями. Особую значимость приобретает проблема соотношения кабальных сделок с институтами несправедливых договорных условий и подозрительных сделок в банкротстве.

Представляется, что дальнейшее развитие института кабальных сделок должно идти по пути конкретизации квалифицирующих признаков, установления четких критериев «крайней невыгодности» условий и

определения специфики применения данного института в предпринимательских отношениях. При этом важно обеспечить баланс между защитой слабой стороны договора и стабильностью гражданского оборота, учитывая как отечественный опыт правоприменения, так и зарубежные подходы к регулированию аналогичных правоотношений.

Представим выводы по первой главе исследования.

В рамках анализа института недействительности сделок в гражданском праве выявлена его фундаментальная роль в обеспечении стабильности и законности гражданского оборота. Исследование показало, что недействительность сделки представляет собой отсутствие или последующее прекращение правового эффекта, связанное с различными пороками. В гражданском праве установлены две основные формы порочности сделок - ничтожность и оспоримость, где ничтожная сделка недействительна с момента совершения, а оспоримая требует судебного признания недействительности.

Современная цивилистическая доктрина уделяет особое внимание механизмам защиты прав добросовестных участников гражданского оборота, включая институт реституции и возможность «исцеления» ничтожных сделок. Важным аспектом является разграничение абсолютной и относительной недействительности сделок, где относительная недействительность означает действительность распоряжения по отношению к третьим лицам, но недействительность в отношении защищаемого запретом лица.

Анализ научных позиций демонстрирует тенденцию к гармонизации частных и публичных интересов в регулировании недействительности сделок. Особую значимость приобретает развитие института добросовестности и механизмов защиты прав участников гражданских правоотношений. Современное состояние института недействительности сделок характеризуется необходимостью дальнейшего совершенствования правового регулирования с учетом развития экономических отношений и появления новых форм гражданского оборота. Исследование подтверждает, что баланс

между строгостью правового регулирования и гибкостью подхода к отдельным категориям субъектов способствует достижению целей гражданско-правового регулирования и повышению эффективности защиты прав участников гражданского оборота.

Институт кабальных сделок представляет собой важный механизм защиты прав участников гражданского оборота, законодательное регулирование которого закреплено в статье 179 ГК РФ. Сущность кабальной сделки раскрывается через совокупность квалифицирующих признаков, включающих вынужденность совершения сделки вследствие тяжелых обстоятельств, крайне невыгодные условия для потерпевшей стороны и осознанное использование контрагентом этих обстоятельств. Особую актуальность приобретает проблема разграничения кабальных сделок со смежными правовыми институтами – несправедливыми договорными условиями и подозрительными сделками в банкротстве.

В научной доктрине отмечается необходимость совершенствования законодательного регулирования данного института путем конкретизации критериев кабальности, установления четких параметров «крайней невыгодности» условий и определения специфики применения института в предпринимательских отношениях. При этом важно обеспечить баланс между защитой слабой стороны договора и стабильностью гражданского оборота, учитывая как отечественный опыт правоприменения, так и зарубежные подходы к регулированию аналогичных правоотношений. Историческое развитие института кабальных сделок от древнего понимания кабалы как долгового обязательства до современного правового механизма защиты демонстрирует его трансформацию в соответствии с потребностями гражданского оборота и необходимостью обеспечения справедливого баланса интересов его участников.

Глава 2 Правовая квалификация кабальных сделок и условия их недействительности

2.1 Критерии определения явной невыгодности условий сделки

В современном гражданском праве проблема определения критериев явной невыгодности условий сделки приобретает особую актуальность в связи с усложнением договорных отношений и развитием новых форм коммерческого взаимодействия. Данный вопрос находится на пересечении различных правовых концепций, включая добросовестность участников гражданского оборота, свободу договора и защиту слабой стороны договорных отношений. В научной литературе представлен широкий спектр подходов к определению критериев явной невыгодности, от формальных количественных показателей до комплексной оценки всех обстоятельств сделки.

По мнению А.М. Багаутдиновой, несправедливые договорные условия характеризуются двумя основными квалифицирующими признаками, закрепленными в п. 2 и 3 ст. 428 ГК РФ. Автор подчеркивает, что такие условия, хотя и соответствуют закону, могут существенно ограничивать права одной из сторон или создавать явно обременительные условия.

С точки зрения А.М. Багаутдиновой, особое внимание следует уделить критерию разумности при определении несправедливых условий. Автор критически анализирует позицию, согласно которой «если суду представляется неразумным то или иное условие договора, то этого еще недостаточно, чтобы вторгнуться в договорную свободу лица, добровольно принявшего на себя такое условие» [1, с. 43].

Исследователь А.М. Багаутдинова подчеркивает важность защиты «неразумных» субъектов, которые в силу различных причин могут быть ограничены в возможностях влиять на условия договора. По мнению автора, критерий неразумности уже заложен в определении несправедливых

договорных условий через формулировку о «разумно понимаемых интересах».

А.М. Багаутдинова развивает идею о том, что недобросовестность стороны, разработавшей проект соглашения, должна рассматриваться как третий обязательный признак несправедливых условий договора. Автор аргументирует это тем, что «ликвидировать дисбаланс следует, лишь если одна из сторон создала его недобросовестно» [1, с. 43].

С позиции А.М. Багаутдиновой, в европейском праве признак недобросовестности четко закреплен законодательно, в то время как в российском праве он выражен неявно. Автор отмечает, что согласно п. 5 ст. 10 ГК РФ действует презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений.

Исследователь приходит к выводу о необходимости эксплицитного закрепления недобросовестного поведения сильной стороны как третьего квалифицирующего признака несправедливых договорных условий в законодательстве. А.М. Багаутдинова подчеркивает, что неявность данного признака приводит к неверному толкованию гражданско-правовых норм.

По нашему мнению, позиция А.М. Багаутдиновой относительно необходимости законодательного закрепления недобросовестности как обязательного признака несправедливых условий договора является своевременной и теоретически обоснованной. Соглашаясь с автором, считаем, что такое дополнение не только позволит более эффективно защищать права слабой стороны договора, но и создаст дополнительные гарантии справедливого баланса интересов в гражданском обороте. Предложенный автором подход к определению критериев несправедливых условий договора через призму добросовестности представляется перспективным направлением развития гражданского законодательства и заслуживает внимания законодателя.

Если А.М. Багаутдинова делает акцент на законодательном закреплении недобросовестности как обязательного признака несправедливых условий

договора, то А.Г. Карапетов развивает более гибкий подход, основанный на дифференцированной оценке стандарта разумной осмотрительности в зависимости от характера сделки. С точки зрения А.Г. Карапетова, для определения явной невыгодности условий сделки необходимо учитывать стандарт разумной осмотрительности и добросовестности сторон. Автор подчеркивает, что главная цель нормы состоит не в том, чтобы наказать контрагента за использование очевидной ошибки представителя партнера, а в том, чтобы предотвратить злоупотребления представителя.

По мнению А.Г. Карапетова, суды должны крайне осторожно применять критерий «в два раза», закрепленный в практике высших судов. Автор отмечает: «для некоторых сделок он оказывается слишком высоким, а для ряда других – слишком низким. Все зависит от стандартизованности предмета договора и адекватности определения рыночной цены» [12, с. 100].

С позиции А.Г. Карапетова, при стандартизованных активах (типовая недвижимость, сырье) даже меньшее отклонение от рыночной цены может свидетельствовать о недобросовестности. При уникальных активах (патенты, бренды, контрольные пакеты акций) требуется значительно больший разрыв, учитывая условность оценки.

С точки зрения А.Г. Карапетова принципиально важно, чтобы в судебной практике закрепился дифференцированный подход: «довод о несоразмерности встречных предоставлений «в два раза и более», основанный на отчетах оценщика, может быть опровергнут доказательствами того, что предмет договора не носит стандартизованный характер» [12, с. 100].

Исследователь подчеркивает, что наиболее опасным для оборота было бы механическое применение двукратного критерия без учета специфики конкретной сделки. А.Г. Карапетов отмечает: «самое страшное, что может произойти в российской судебной практике, – это превращение критерия «в несколько раз» в формальные и достаточные основания для опрокидывания крупных и серьезных контрактов с нестандартными предметами» [12, с. 105].

А.Г. Карапетов указывает, что при оценке явной невыгодности нужно учитывать момент совершения сделки, а не последующие события. По мнению автора, если условия сделки на момент ее совершения были нормальными, то их последующее изменение из-за внешних обстоятельств не может быть основанием для оспаривания. Автор подчеркивает необходимость оценивать совокупность обстоятельств, включая наличие экономического обоснования сделки, взаимосвязь с другими сделками, результат взаимных уступок сторон.

По нашему мнению, позиция А.Г. Карапетова о необходимости дифференцированного подхода к оценке явной невыгодности условий сделки является обоснованной и взвешенной. Соглашаясь с автором, считаем, что формальное применение двукратного критерия без учета специфики конкретной сделки может привести к дестабилизации гражданского оборота и нарушению баланса интересов сторон. Предложенный автором подход позволяет более точно выявлять случаи реальных злоупотреблений и защищать добросовестных участников оборота.

В развитие идей А.Г. Карапетова о дифференцированном подходе к оценке явной невыгодности, В.В. Цыганков предлагает еще более детальную методологию, основанную на концепции коммерческой осмотрительности и анализе реальных экономических ресурсов контрагента. С точки зрения В.В. Цыганкова, вопрос определения явной невыгодности условий сделки тесно связан с концепцией коммерческой осмотрительности, которая была введена в публично-правовые отношения письмом ФНС России от 10.03.2021.

По мнению В.В. Цыганкова, существенным моментом в определении невыгодности сделки является то, что «знание директором о невыгодности условий сделки или заведомой неспособности контрагента исполнить обязательство либо установление того, что директор должен был знать об этих обстоятельствах» [32, с. 38] относится к недобросовестным или неразумным действиям.

В.В. Цыганков подчеркивает, что при оценке невыгодности сделки важно учитывать «непринятие до совершения сделки действий по получению

необходимой информации, которые обычны для деловой практики при сходных обстоятельствах» [32, с. 38], а также совершение сделки вопреки установленным процедурам или бизнес-стратегии.

Автор обращает особое внимание на то, что для определения невыгодности условий сделки необходимо оценивать не только формальные документы, но и реальные экономические ресурсы контрагента. «Основу деятельности предприятия составляют экономические ресурсы, участвующие в производстве товаров (работ, услуг)» [32, с. 38].

В.В. Цыганков настаивает на том, что при оценке невыгодности сделки следует проводить комплексный анализ финансово-хозяйственной деятельности контрагента, включая оценку его платежеспособности и финансовой устойчивости.

Особенно важным автор считает тот факт, что «критерии проявления должной осмотрительности не могут быть одинаковыми для случаев ординарного пополнения материально-производственных запасов и в ситуациях, когда налогоплательщиком приобретается дорогостоящий актив» [32, с. 38].

В.В. Цыганков подчеркивает необходимость индивидуального подхода к каждой сделке, отмечая, что «минимальный перечень запрашиваемых документов не является исчерпывающим, а формируется в каждом конкретном случае индивидуально» [32, с. 38].

По нашему мнению, соглашаясь с позицией В.В. Цыганкова, следует отметить особую ценность предложенного им комплексного подхода к оценке невыгодности сделки, который учитывает не только формальные критерии, но и реальные экономические показатели. Автор справедливо подчеркивает необходимость дифференцированного подхода к оценке сделок различного масштаба и значимости, что представляется крайне важным в современных условиях хозяйствования. Особого внимания заслуживает предложенная им методика анализа экономических ресурсов контрагента как ключевого фактора в определении потенциальной невыгодности сделки. Вместе с тем,

развивая мысль автора, можно предположить, что в современных условиях цифровизации экономики целесообразно было бы дополнить предложенные критерии оценкой цифровой репутации контрагента и анализом его присутствия в информационном пространстве. Тем не менее, представленный В.В. Цыганковым подход создает надежную методологическую основу для определения явной невыгодности условий сделки и может эффективно применяться в практической деятельности.

Если В.В. Цыганков концентрируется на экономических аспектах оценки невыгодности сделки, то Д.С. Дерхо смещает фокус на правовые механизмы защиты слабой стороны договора и комплексную оценку баланса интересов участников правоотношений. С точки зрения Д.С. Дерхо, проблема определения явной невыгодности условий сделки требует комплексного подхода, учитывающего не только формальные критерии, но и фактическое положение сторон. Автор подчеркивает важность принципа равенства участников гражданско-правовых отношений и свободы договора, опираясь на позицию Конституционного Суда РФ.

По мнению Д.С. Дерхо, в реальном гражданском обороте существуют ситуации неравенства переговорных возможностей сторон. Ученый выделяет категории «сильных» участников правоотношений, к которым относятся «профессиональные участники конкретной сферы экономических отношений», «экономически сильный контрагент», «организационно сильный контрагент» [7].

Развивая свою мысль, Д.С. Дерхо указывает на существование особых признаков несправедливых договорных условий, которые «состоят в явно обременительных для одного из контрагентов и существенным образом нарушающих баланс интересов сторон положениях договора» [7]. При этом автор особо отмечает важность доказывания факта ограниченности возможностей слабой стороны при согласовании иных условий.

Исследователь подробно анализирует правовые механизмы защиты «слабой» стороны, отмечая, что наиболее эффективным является применение

положений о договорах присоединения. Д.С. Дерхо подчеркивает, что «слабая сторона договора вправе заявить о недопустимости применения несправедливых договорных условий на основании ст. 10 ГК РФ» [7].

Особое внимание автор уделяет комплексной оценке договорных условий. По его мнению, «для признания условий договора несправедливыми недостаточно установления формальных критериев отступления от равномерного распределения рисков и выгод» [7]. Необходимо исследовать всю совокупность обстоятельств дела.

Д.С. Дерхо акцентирует внимание на том, что при оценке обременительности условий суд должен учитывать взаимосвязь различных договоров между сторонами. Автор указывает, что «нарушение баланса интересов сторон на самом деле отсутствует» [7], если преимущества одной стороны в одном договоре компенсируются преимуществами другой стороны в иных соглашениях.

По нашему мнению, соглашаясь с позицией Д.С. Дерхо, следует особо подчеркнуть важность комплексного подхода к оценке справедливости договорных условий, учитывающего не только формальные критерии, но и фактическое соотношение переговорных возможностей сторон, а также всю систему договорных связей между контрагентами. Представляется особенно ценным предложенный автором подход к анализу взаимосвязанных договоров при оценке справедливости их условий, поскольку это позволяет выявить реальный баланс интересов сторон в их правоотношениях. Кроме того, заслуживает поддержки позиция автора о необходимости учета профессионализма сторон и конкурентной среды при оценке справедливости договорных условий. Такой многофакторный анализ способствует принятию более взвешенных судебных решений и эффективной защите прав добросовестных участников гражданского оборота.

Развивая идеи Д.С. Дерхо о защите слабой стороны договора, А.В. Кузьмина и Е.А. Ломакина переносят эту проблематику в сферу электронной коммерции, предлагая специфические механизмы защиты прав

участников интернет-сделок. С точки зрения А.В. Кузьминой и Е.А. Ломакиной, проблема определения явной невыгодности условий сделки в интернет-пространстве требует особого внимания из-за специфики заключения электронных договоров. Авторы подчеркивают, что большинство пользователей принимают условия договора без их внимательного изучения, что создает риск навязывания несправедливых условий.

По мнению исследователей, электронные договоры следует рассматривать как договоры присоединения, где «механизм заключения click-wrap соглашения удобен для использования компаниями, продающими товары и оказывающими услуги в сети Интернет, поскольку им невыгодно вести переговоры отдельно с каждым пользователем» [14, с. 125].

Существенным вкладом авторов является предложение о введении презумпции неравенства переговорных возможностей при заключении электронного договора. А.В. Кузьмина и Е.А. Ломакина отмечают, что «бремя доказывания добросовестности ведения переговоров, разъяснения нетипичных условий сделки, соблюдения баланса интересов сторон следует возлагать именно на оферента, разработавшего проект договора» [14, с. 125].

Развивая свою мысль, авторы указывают на квалифицирующие признаки обременительных условий: «а) условия не согласовывались сторонами индивидуально; б) в договоре присутствует существенный дисбаланс интересов сторон; в) при наличии возможности участвовать в согласовании условий слабая сторона отказалась бы их принять в силу своих разумно понимаемых интересов» [14, с. 125].

Особое внимание А.В. Кузьмина и Е.А. Ломакина уделяют различию в стандартах доказывания для потребителей и предпринимателей. Авторы подчеркивают, что коммерсант, «исходя из возложенных на него предпринимательских рисков, несмотря на непрофессионализм и неопытность в определенной сфере, обязан доказывать как чрезмерную обременительность договорного условия, так и невозможность согласования иного его содержания» [14, с. 125].

Исследователи предлагают конкретные способы защиты слабой стороны договора, включая судебное изменение или расторжение договора, заявление о недопустимости применения несправедливых условий или о их ничтожности. При этом авторы критически оценивают возможность использования ст. 169 ГК РФ, отмечая, что «судебно-арбитражная практика не восприняла позицию о признании антисоциальными договоров, при заключении которых стороны имеют неравные переговорные возможности» [14, с. 125].

По нашему мнению, соглашаясь с позицией А.В. Кузьминой и Е.А. Ломакиной, следует особо отметить важность предложенной ими презумпции неравенства переговорных возможностей при заключении электронных договоров. Такой подход позволяет эффективно защищать права слабой стороны договора, учитывая специфику электронной коммерции и современные реалии заключения договоров в интернет-пространстве. Особенно ценным представляется дифференцированный подход к стандартам доказывания для различных категорий участников гражданского оборота. Заслуживает поддержки предложение авторов о необходимости создания дополнительных норм, учитывающих особенности формирования условий электронных сделок и согласия на их совершение. Предложенная авторами концепция позволяет обеспечить баланс интересов участников электронной коммерции и создать эффективные механизмы защиты от навязывания несправедливых условий. Кроме того, важным представляется вывод исследователей о необходимости законодательного закрепления требований к технологии заключения электронных договоров, включая обязанность интернет-компаний осуществлять по заявлению пользователя переговоры по согласованию стандартных условий договора. Такой комплексный подход к решению проблемы защиты слабой стороны в электронных договорах представляется наиболее перспективным направлением развития гражданского законодательства.

В отличие от практико-ориентированного подхода А.В. Кузьминой и Е.А. Ломакиной, Н.Г. Соломина предлагает теоретическое переосмысление самой концепции несправедливых условий в контексте эволюции гражданского законодательства.

С точки зрения Н.Г. Соломиной, определение критериев явной невыгодности условий сделки тесно связано с концепцией несправедливых условий в предпринимательских договорах. Автор проводит глубокий анализ эволюции данного понятия, начиная с европейского законодательства начала 90-х годов XX века.

По мнению Н.Г. Соломиной, существенным поворотным моментом стало разъяснение Пленума ВАС РФ 2014 года, где было определено, что «несправедливым договорным условием следует считать условие, (1) составляющее содержание договора, проект которого был предложен одной из сторон, (2) являющееся явно обременительным для ее контрагента и (3) существенным образом нарушающее баланс интересов сторон» [28, с. 17].

Принципиальная позиция Н.Г. Соломиной заключается в том, что после изменений в ГК РФ 2015 года законодатель полностью отказался от использования термина «несправедливые условия» и выражения «условия... существенным образом нарушающие баланс интересов сторон». Вместо этого акцент сместился на концепцию явно обременительных условий и неравенства переговорных возможностей.

С точки зрения Н.Г. Соломиной, особое значение имеет двойной функционал правовой конструкции явно обременительного условия. Автор подчеркивает, что «ссылка на наличие явно обременительного условия, включенного в договор в силу явного неравенства переговорных возможностей, может выступать не только в качестве условия расторжения (изменения) предпринимательского договора, но и основанием для отказа в защите нарушенного права полностью или частично» [28, с. 17].

Важным наблюдением Н.Г. Соломиной является критика существующей судебной практики, где суды продолжают использовать

концепцию несправедливых условий через призму ст. 10 ГК РФ, вместо того чтобы применять четкие критерии, установленные законодательством.

С позиции Н.Г. Соломиной, при квалификации явной невыгодности условий ключевое значение имеет момент злоупотребления правом: «злоупотребление правом имело место на стадии заключения договора: кредитор злоупотребляет не тем, что требует уплаты чрезмерно большой неустойки, а тем, что при реализации права на установление договорной неустойки навязал должнику такой ее размер, который не укладывается в масштаб добросовестного поведения» [28, с. 17].

В завершение автор приходит к выводу о том, что понятие «несправедливые условия» в том содержании, которое определил Пленум ВАС РФ в 2014 году, не существует или несвойственно отечественному правопорядку, хотя сам термин используется в специальном законодательстве.

По нашему мнению, соглашаясь с позицией Н.Г. Соломиной, наиболее важным является акцент на необходимости четкого разграничения механизмов защиты прав сторон договора и отказ от размытого понятия «несправедливых условий» в пользу более конкретных правовых конструкций, предусмотренных действующим законодательством. Такой подход представляется наиболее обоснованным, поскольку позволяет создать четкие и прозрачные критерии для определения явной невыгодности условий сделки, что крайне важно для стабильности гражданского оборота и предсказуемости судебной практики. Особенно ценным в позиции автора является выявление двойственной природы явно обременительных условий, что позволяет более эффективно защищать права «слабой» стороны договора. Мы полагаем, что дальнейшее развитие правоприменительной практики должно идти по пути использования формализованных критериев оценки договорных условий, установленных в ГК РФ, а не через расширительное толкование концепции несправедливых условий. Это позволит обеспечить баланс интересов участников предпринимательских отношений и создаст более надежные механизмы защиты их прав.

Анализ научных позиций по вопросу определения критериев явной невыгодности условий сделки демонстрирует многогранность данной проблематики и необходимость комплексного подхода к ее решению. Современная доктрина гражданского права предлагает различные методологические подходы: от формального применения количественных критериев до глубокого анализа всех обстоятельств сделки с учетом специфики предмета договора, статуса сторон и особенностей конкретной сферы правоотношений. Особое значение приобретают вопросы защиты слабой стороны договора, особенно в контексте развития электронной коммерции и новых форм договорных отношений.

Представляется, что наиболее перспективным направлением развития правового регулирования в данной сфере является синтез различных подходов, предполагающий учет как формальных критериев невыгодности (количественных показателей), так и качественных характеристик сделки, включая оценку добросовестности сторон, их переговорных возможностей и экономической обоснованности условий договора. При этом особое внимание следует уделять специфике конкретной сферы правоотношений и характеру предмета договора, что позволит обеспечить справедливый баланс интересов участников гражданского оборота и стабильность договорных отношений.

2.2 Условия квалификации сделки как кабальной

Проблема квалификации сделок как кабальных является одной из наиболее сложных и дискуссионных в современном гражданском праве. Необходимость защиты прав добросовестных участников гражданского оборота при одновременном обеспечении стабильности гражданско-правовых отношений создает потребность в детальном анализе условий и критериев признания сделок кабальными. Особую актуальность данному вопросу придает увеличение количества споров, связанных с оспариванием сделок по

данному основанию, а также неоднозначность складывающейся судебной практики.

По мнению Т.Ю. Родиной и Д.А. Козина, вопрос квалификации сделки как кабальной связан с целым рядом проблем, что делает актуальным пересмотр законодательства. Авторы отмечают, что одним из главных препятствий является «непонимание истцами категории кабальности сделки и их бесконечные обращения в суд без должных на то оснований», что приводит к недобросовестным попыткам оспорить обязательства по кредитам и займам [25, с. 78]. Такая практика, по их мнению, расширительно толкует нормы статьи 179 Гражданского кодекса РФ, не учитывая необходимость совокупности всех признаков кабальной сделки.

Особое внимание авторы уделяют злоупотреблениям со стороны профессиональных займодавцев, которые используют пробелы в законодательстве для установления ростовщических процентов, что зачастую приводит к несправедливым финансовым обязательствам для граждан. Проблема усугубляется тем, что, согласно пункту 5 статьи 809 ГК РФ, ростовщические проценты запрещены лишь для физических лиц, что оставляет микрофинансовым организациям возможность устанавливать проценты до предельных значений, что, как утверждают авторы, «создаёт условия для закабаления заёмщиков» [25, с. 78].

Сложность доказывания кабальных сделок также выделяется как одна из ключевых проблем. По мнению авторов, судебная практика часто не защищает потерпевшую сторону, особенно в случаях, связанных с родственниками или тяжёлыми жизненными обстоятельствами, несмотря на наличие объективных оснований. Авторы приводят примеры, когда суды отклоняли иски на основании частичной недоказанности, несмотря на очевидную эксплуатацию тяжёлого положения одной из сторон сделки.

Авторы также критикуют недостаточную эффективность норм статьи 180 ГК РФ, позволяющей оспаривать лишь отдельные условия сделки, что, по их мнению, «является фикцией и не согласуется с сутью недействительности

сделки». Они предлагают создать специальный правовой механизм защиты, который будет учитывать злоупотребления правами и предусматривать более гибкие способы восстановления справедливости [25, с. 78].

На основе анализа, Т.Ю. Родина и Д.А. Козин приходят к выводу о необходимости внесения точечных изменений в законодательство. В частности, они предлагают закрепить в главе 42 ГК РФ нормы о государственном проценте займа, что позволит ограничить ростовщические проценты для профессиональных займодавцев, а также установить презумпцию знания родственников о тяжёлых обстоятельствах друг друга при заключении сделок по отчуждению имущества.

По нашему мнению, позиция авторов выглядит обоснованной, особенно в части критики текущих пробелов законодательства. Соглашаясь с их точкой зрения, можно отметить, что предложенные меры по изменению правовых норм способны повысить защиту интересов граждан, особенно в условиях социальной уязвимости. При этом важно учитывать не только формальное закрепление новых правил, но и необходимость их надлежащего применения судами.

Если предыдущие авторы акцентировали внимание на практических проблемах применения норм о кабальных сделках, то М.В. Малахаева рассматривает данный вопрос через призму теоретического анализа формирования воли сторон при заключении договора. По мнению М.В. Малахаевой, условия квалификации сделки как кабальной связаны с особенностями формирования воли сторон и ее выражения в ходе заключения договора. Автор подчеркивает, что «элемент кабальности заключается в эксплуатации одной стороной сделки тяжелого положения другой стороны с целью извлечения выгоды», что делает такие сделки одной из наиболее сложных категорий в судебной практике [15, с. 300]. С точки зрения М.В. Малахаевой, важным критерием для признания сделки кабальной является несоответствие внутренней воли и волеизъявления стороны, вызванное неравным положением участников сделки. Автор отмечает, что

«кабальные сделки чаще всего выявляются в предпринимательской деятельности, где баланс интересов участников нарушается из-за коммерческого давления или экономической зависимости» [15, с. 300].

Автор обращает внимание на осторожность судов при квалификации сделок как кабальных. По мнению М.В. Малахаевой, «существует риск, что широкая интерпретация признаков кабальности приведет к массовому оспариванию сделок, что создаст юридическую нестабильность» [15, с. 300]. Вместе с тем, такая позиция судов, по мнению автора, может препятствовать защите интересов пострадавших сторон.

Особенностью подхода М.В. Малахаевой является акцент на необходимость более детальной правовой регламентации кабальных сделок. Автор предлагает усилить правовые механизмы защиты слабой стороны сделки и ввести дополнительные критерии для оценки кабальности, включая учет экономических и социальных факторов, влияющих на принятие решения [13, с. 300]. Автор также указывает на важность разграничения кабальных сделок и сделок, нарушающих свободу договора. Она отмечает, что «кабальные сделки характеризуются не только пороком воли, но и эксплуатацией тяжелых обстоятельств, в которых находится сторона», что делает их уникальной категорией в рамках гражданского права [15, с. 300].

По нашему мнению, позиция М.В. Малахаевой выглядит обоснованной, поскольку она подчеркивает сложность проблемы кабальности и необходимость ее детальной регламентации. Соглашаясь с автором, можно добавить, что внедрение четких критериев и стандартов для оценки кабальных сделок способно снизить риски злоупотреблений и повысить эффективность судебной защиты прав участников гражданского оборота.

В развитие теоретических положений, рассмотренных М.В. Малахаевой, Ю. Головенко предлагает более практико-ориентированный подход к анализу условий квалификации сделки как кабальной, основанный на изучении конкретных судебных решений. С точки зрения Ю. Головенко, для квалификации сделки как кабальной необходимо наличие совокупности

определенных признаков, установленных законодательством. Автор подчеркивает особую сложность оспаривания таких сделок в судебном порядке, что подтверждается анализом правоприменительной практики.

По мнению Ю. Головенко, ключевым условием признания сделки кабальной является стечение тяжелых жизненных обстоятельств, которые вынуждают лицо совершить сделку на крайне невыгодных условиях. При этом автор отмечает, что «существенное снижение рыночной стоимости имущества» [4, с. 50] само по себе не является достаточным основанием для признания сделки кабальной.

Исследуя судебную практику, Ю. Головенко указывает на необходимость доказывания осведомленности второй стороны о тяжелых обстоятельствах контрагента. Как подчеркивает автор, «судебные инстанции констатировали только несоответствие цены сделки и рыночной стоимости спорного имущества, что при отсутствии других признаков не могло явиться достаточным основанием для признания ее недействительной» [4, с. 50].

Особое внимание Ю. Головенко уделяет анализу конкретных жизненных ситуаций, которые могут быть признаны тяжелыми обстоятельствами: онкологические заболевания, необходимость ухода за тяжелобольными родственниками, наличие значительных долговых обязательств, привлечение к уголовной ответственности.

В своем исследовании Ю. Головенко отмечает, что суды должны тщательно исследовать все обстоятельства дела, включая соотношение размера задолженности с рыночной стоимостью отчуждаемого имущества, наличие реальной угрозы наступления неблагоприятных последствий и их связь с оспариваемой сделкой.

Автор приходит к выводу, что «суды крайне редко признают сделки недействительными по причине их кабальности» [4, с. 50]. Такое признание, как правило, происходит в случаях с острой социальной составляющей, особенно когда речь идет об утрате единственного жилья. В качестве значимого вывода Ю. Головенко подчеркивает необходимость комплексного

подхода к оценке обстоятельств дела, учитывающего не только экономическую составляющую сделки, но и социальный аспект, включая права совместно проживающих родственников и общую уязвимость положения продавца.

По нашему мнению, соглашаясь с позицией Ю. Головенко, следует отметить обоснованность выделенных автором критериев кабальности сделки и необходимость их комплексного применения судами. Особенно важным представляется акцент автора на социальной составляющей таких дел и необходимости защиты прав наиболее уязвимых участников гражданского оборота.

Продолжая анализ судебной практики, но фокусируясь на договорах займа, Н. Яковлев предлагает свой взгляд на совокупность необходимых условий для признания сделки кабальной. С точки зрения Н. Яковлева, квалификация сделки как кабальной требует одновременного наличия нескольких существенных условий, которые должны быть доказаны в судебном порядке. Автор подчеркивает комплексный характер данного правового явления, указывая на необходимость соблюдения всех критериев в совокупности. По мнению Н. Яковлева, ключевым элементом признания сделки кабальной выступает наличие тяжелой жизненной ситуации заемщика в момент заключения договора. При этом автор особо отмечает, что «для того, чтобы договор займа был признан недействительным в силу кабальности, необходимо одновременное наличие следующих обстоятельств: заемщик оформил заем в силу тяжелой жизненной ситуации; заем предоставлен на крайне невыгодных условиях; займодавец знал о том, что заемщик находится в тяжелой жизненной ситуации; займодавец воспользовался этим» [34, с. 68].

Существенным аспектом в работе Н. Яковлева является указание на то, что сами по себе невыгодные условия договора не являются достаточным основанием для признания сделки кабальной. Автор подчеркивает: «Повышенный размер процентов, небольшой срок кредитования сами по себе не являются основанием недействительности сделки» [34, с. 68].

Особое внимание Н. Яковлев уделяет вопросу доказывания кабальности сделки, отмечая сложность данного процесса для заемщика. В подтверждение своей позиции автор приводит примеры из судебной практики, демонстрирующие, что заемщики часто не могут предоставить необходимые доказательства всей совокупности обстоятельств. В своем исследовании Н. Яковлев акцентирует внимание на том, что для признания сделки кабальной необходимо доказать не только факт тяжелой жизненной ситуации, но и осведомленность кредитора об этих обстоятельствах, а также намеренное использование им данной ситуации в своих интересах.

Заключительным аспектом анализа выступает практический вывод автора о том, что ссылаться на кабальность сделки целесообразно только при наличии весомых доказательств всех необходимых обстоятельств в совокупности. По нашему мнению, позиция Н. Яковлева представляется обоснованной и отражает сложившуюся судебную практику. Особенно важным является комплексный подход автора к определению критериев кабальности сделки, что позволяет избежать злоупотреблений со стороны недобросовестных заемщиков и обеспечить баланс интересов сторон договора займа.

Дополняя и углубляя предыдущие исследования, К.Ю. Казанцева представляет комплексный анализ проблемы квалификации кабальных сделок, подкрепляя свои выводы статистическими данными судебной практики. С точки зрения К.Ю. Казанцевой, квалификация сделки как кабальной представляет значительную сложность в правоприменительной практике. Автор отмечает: «Определение кабальной сделки содержится в п. 3 ст. 179 ГК РФ: сделка на крайне невыгодных условиях, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств, чем другая сторона воспользовалась (кабальная сделка), может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего» [10, с. 35]. При этом статистика демонстрирует редкость удовлетворения таких исков: «из более 280 судебных актов судов общей юрисдикции кассационной инстанции по

данной норме требование о признании сделки кабальной было удовлетворено 6 раз» [10, с. 35]. По мнению К.Ю. Казанцевой, существенным элементом квалификации кабальной сделки выступает вынужденность её совершения. «Если невыгодная сделка совершена по легкомыслию, неопытности, под влиянием азарта и тому подобному, для признания ее недействительной по ст. 179 ГК РФ нет оснований» [10, с. 35]. Автор подчеркивает необходимость доказывания отсутствия у лица возможности заключить сделку на более выгодных условиях или иным образом преодолеть сложившуюся ситуацию.

К.Ю. Казанцева обращает особое внимание на проблему определения крайней невыгодности условий сделки. «О крайней невыгодности условий оспоримой сделки может свидетельствовать, в частности, чрезмерное превышение цены договора относительно иных договоров такого вида» [10, с. 35]. Автор поддерживает предложение о закреплении презумпции крайней невыгодности, когда встречное предоставление отличается в два или более раза. Принципиально важным аспектом, по мнению К.Ю. Казанцевой, является установление недобросовестности контрагента. «Для квалификации сделки как кабальной не имеет значения, действовала сторона по сделке активно (то есть сама предлагала заключить сделку) или просто приняла предложение контрагента, который сам предложил заключить сделку на невыгодных для себя условиях» [10, с. 35].

В качестве решения проблемы К.Ю. Казанцева предлагает: «Закрепить на законодательном уровне квалифицирующие признаки кабальной сделки, а в Постановлении Пленума ВС РФ № 25 отразить их характеристику» [10, с. 35]. Автор также считает необходимым «внести ясность в п. 3 ст. 179 ГК РФ, а именно указать на необходимую достаточную совокупность тяжелых обстоятельств, вследствие стечения которых лицо было вынуждено совершить кабальную сделку» [10, с. 35].

По нашему мнению, позиция К.Ю. Казанцевой представляется глубоко обоснованной и заслуживает поддержки. Особенно важными являются предложения автора по совершенствованию законодательства, направленные

на конкретизацию критериев кабалности сделки и установление четких презумпций. Реализация данных предложений могла бы существенно улучшить ситуацию с защитой прав потерпевшей стороны и способствовать формированию единообразной судебной практики по данной категории дел.

Проведенный анализ научных позиций относительно условий квалификации сделки как кабалной демонстрирует многогранность данной проблематики и необходимость комплексного подхода к ее решению. Различные аспекты, затронутые авторами – от теоретического обоснования природы кабалных сделок до практических проблем доказывания их условий – формируют целостное представление о сложности данного правового института. Особого внимания заслуживают предложения по совершенствованию законодательства, направленные на конкретизацию критериев кабалности, установление четких презумпций и создание эффективных механизмов защиты прав добросовестных участников гражданского оборота.

В то же время очевидна необходимость дальнейшего развития как теоретических исследований в данной области, так и совершенствования правоприменительной практики. Важным направлением такого развития должно стать формирование единообразного подхода к определению и доказыванию условий кабалности сделки, который бы учитывал баланс интересов всех участников гражданского оборота. При этом особое внимание следует уделить разработке механизмов, позволяющих эффективно защищать права социально уязвимых категорий граждан при одновременном предотвращении злоупотреблений со стороны недобросовестных участников гражданского оборота.

Представим выводы по второй главе исследования. Проведенное исследование правовой квалификации кабалных сделок и условий их недействительности позволяет сформулировать ряд существенных выводов. В современной правовой доктрине сформировались различные методологические подходы к определению критериев явной невыгодности

условий сделки: от формально-количественного, основанного на применении критерия двукратного превышения, до комплексного, предполагающего всесторонний анализ обстоятельств сделки. При этом наиболее перспективным представляется синтез различных подходов, учитывающий как формальные критерии невыгодности, так и качественные характеристики сделки, включая оценку добросовестности сторон, их реальных переговорных возможностей и экономической обоснованности условий договора.

Квалификация сделки как кабальной требует установления сложного юридического состава, включающего стечение тяжелых жизненных обстоятельств на момент заключения сделки, крайнюю невыгодность ее условий для одной из сторон, осведомленность контрагента о тяжелых обстоятельствах и использование этих обстоятельств для получения необоснованной выгоды. Анализ правоприменительной практики выявил ряд существенных проблем, связанных со сложностью доказывания всей совокупности условий кабальности, отсутствием единообразного подхода судов к оценке доказательств и недостаточной защищенностью социально уязвимых категорий граждан.

Перспективными направлениями совершенствования правового регулирования в данной сфере являются законодательное закрепление четких критериев кабальности сделки, установление правовых презумпций для отдельных категорий случаев и развитие механизмов защиты слабой стороны договора. Особое значение приобретает формирование единообразной судебной практики, обеспечивающей эффективную защиту прав участников гражданского оборота при одновременном соблюдении баланса интересов сторон и предотвращении злоупотреблений при оспаривании сделок. Таким образом, эффективное правовое регулирование кабальных сделок требует комплексного подхода, учитывающего как формальные критерии, так и фактические обстоятельства конкретного дела, что позволит обеспечить стабильность гражданского оборота и защиту прав добросовестных участников правоотношений.

Глава 3 Практические аспекты правоприменительной практики по кабальным сделкам

3.1 Последствия признания сделки кабальной

Последствия признания сделки кабальной представляют собой комплексный правовой институт, требующий детального рассмотрения как с теоретической, так и с практической точки зрения. В соответствии с пунктом 3 статьи 179 Гражданского кодекса Российской Федерации, сделка может быть квалифицирована как кабальная при наличии совокупности трех обязательных условий: она должна быть совершена на крайне невыгодных условиях для одной из сторон, эта сторона должна была совершить сделку вследствие стечения тяжелых обстоятельств, а другая сторона должна была знать об этом и воспользоваться данной ситуацией.

Существенным аспектом является то, что кабальная сделка относится к категории оспоримых сделок, что предполагает необходимость судебного решения для признания ее недействительной. При этом судебная практика показывает, что доказывание кабального характера сделки представляет значительную сложность, особенно в сфере предпринимательской деятельности.

Говоря о критериях крайне невыгодных условий, следует отметить, что они определяются путем сравнительного анализа с аналогичными сделками на рынке, причем существенное отклонение от рыночных условий должно быть объективно подтверждено. Например, чрезмерно высокая процентная ставка по договору займа может быть признана кабальным условием, если она значительно превышает среднерыночные показатели без объективных на то причин. При установлении факта стечения тяжелых обстоятельств суды требуют доказательств того, что эти обстоятельства носили непредвиденный характер и не могли быть предотвращены стороной самостоятельно.

Особенно тщательно данный аспект исследуется в предпринимательских отношениях, где простая ссылка на отсутствие денежных средств не является достаточным основанием.

Правовые последствия признания сделки кабальной включают в себя применение двусторонней реституции в соответствии со статьей 167 ГК РФ, предполагающей возврат сторонами всего полученного по сделке. Кроме того, потерпевшая сторона получает право требовать возмещения убытков, а риск случайной гибели предмета сделки возлагается на сторону, воспользовавшуюся тяжелым положением контрагента. Значимым является тот факт, что для успешного оспаривания кабальной сделки необходимо не только доказать наличие всех указанных элементов в совокупности, но и представить суду убедительные доказательства того, что контрагент осознанно воспользовался тяжелым положением стороны для получения необоснованной выгоды [11].

Таким образом, институт признания сделки кабальной служит важным механизмом защиты прав добросовестных участников гражданского оборота, оказавшихся в сложной ситуации, однако его применение требует тщательной подготовки доказательственной базы и учета сложившейся судебной практики.

С точки зрения Е.Н. Павловой, недействительность сделок является важнейшим аспектом правового регулирования гражданских правоотношений, требующим комплексного подхода к анализу последствий их признания недействительными. Автор подчеркивает, что главной причиной заключения не соответствующих закону сделок выступает как низкая правовая культура граждан, так и их стремление любыми способами удовлетворить материальные потребности, даже нарушая права других лиц. Это особенно актуально в контексте рассмотрения кабальных сделок, где одна сторона пользуется тяжелым положением другой.

В своем исследовании Е.Н. Павлова обращает внимание на существенное различие между ничтожными и оспоримыми сделками,

отмечая, что «в законодательстве предусмотрено право предъявления исковых заявлений о признании недействительной только оспоримой сделки, а не ничтожной. Это связано с тем, что ничтожная сделка сама по себе юридической силы не имеет» [19, с. 80]. Данное положение особенно важно при рассмотрении кабальных сделок, которые относятся к категории оспоримых и требуют судебного решения для признания их недействительными.

Значимым аспектом исследования является анализ правовых последствий признания сделок недействительными. По мнению Е.Н. Павловой, «основные правовые последствия признания сделки недействительной подразделяются на общие и специальные. Общим последствием выступает двусторонняя реституция. К специальным последствиям относится односторонняя реституция и недопущение реституции» [19, с. 80]. Это положение перекликается с современным пониманием последствий признания кабальных сделок недействительными, где также применяется механизм двусторонней реституции.

Особого внимания заслуживает позиция автора относительно конфискационных взысканий. Е.Н. Павлова приводит мнение Н.Д. Шестаковой о том, что «применение санкций, предусмотренных ст. 169 и 179 ГК РФ, предполагает изъятие определенного имущества от одних субъектов гражданского права в пользу другого, которым является Российская Федерация. Этим нарушается независимость, так как один субъект вторгается в отношения между другими субъектами» [19, с. 80]. Это положение демонстрирует сложность применения конфискационных мер в гражданском праве.

Е.Н. Павлова подчеркивает, что «признание сделок недействительными ориентировано, прежде всего, на охрану правового порядка. Оно влечет за собой аннулирование прав и обязанностей, ведь их реализация привела бы к нарушению закона» [19, с. 80]. Данный вывод особенно актуален в контексте современного понимания института недействительности сделок, включая

кабальные сделки, где защита прав добросовестной стороны является приоритетной задачей правового регулирования.

С точки зрения В.В. Михайлова, институт недействительности сделок представляет собой один из ключевых элементов современного гражданского оборота, требующий особого внимания как со стороны законодательных органов, так и научного сообщества. Автор подчеркивает важность правильной классификации недействительных сделок, что особенно актуально при рассмотрении кабальных сделок как подвида оспоримых сделок.

В.В. Михайлов развивает важную мысль о специфике определения категории недействительной сделки, отмечая: «классификация, принятая в законодательной системе и научной области и зафиксированная в 1 п. 166 ст. Гражданского кодекса РФ, подразделяет сделки на оспоримые и ничтожные» [16, с. 625]. При этом автор подчеркивает проблематичность применения данной классификации на практике из-за размытости критериев и отсутствия четкого понимания природы конкретного соглашения.

Особое внимание автор уделяет вопросу реституции как последствия недействительности сделки. По его мнению, «кажется сомнительной ситуация, что истец, обращаясь в суд с заявлением о признании сделки нелегальной, мог бы взять на себя обязанность передать противоположной стороне приобретенное» [16, с. 625]. Это положение особенно актуально в контексте кабальных сделок, где одна сторона находится в заведомо невыгодном положении.

Принципиально важным является вывод В.В. Михайлова о том, что «юридическое злоупотребление, которое может подвергаться исключению возражения ответчика об истечении временного периода исковой давности и вносить коррективы в разные аспекты её исчисления, – действия и бездействие ответчика, препятствующие истцу обратиться в суд» [16, с. 625]. Данное положение имеет особое значение при рассмотрении кабальных сделок, где

злоупотребление правом часто является определяющим фактором при оценке действительности сделки.

Правовые последствия признания сделки кабальной представляют собой комплексный механизм защиты прав добросовестных участников гражданского оборота, включающий как общие, так и специальные меры. Основным последствием является применение двусторонней реституции согласно статье 167 ГК РФ, при которой стороны обязаны вернуть все полученное по сделке. При этом потерпевшая сторона получает право требовать возмещения убытков, а риск случайной гибели предмета сделки возлагается на контрагента, воспользовавшегося тяжелым положением другой стороны.

Важно отметить, что для успешного оспаривания кабальной сделки и наступления соответствующих правовых последствий необходимо доказать наличие трех обязательных элементов в совокупности: крайне невыгодные условия сделки, стечение тяжелых обстоятельств у потерпевшей стороны и осознанное использование этих обстоятельств контрагентом для получения необоснованной выгоды. Судебная практика показывает, что процесс доказывания кабального характера сделки представляет значительную сложность, особенно в сфере предпринимательской деятельности, где требуется тщательная подготовка доказательственной базы и учет сложившейся правоприменительной практики.

3.2 Проблемы правоприменительной практики и пути их решения

Анализ правоприменительной практики по делам о кабальных сделках выявляет ряд существенных проблем, требующих системного решения. Суды сталкиваются с необходимостью установления четких критериев для определения кабальности сделок, оценки доказательств тяжелого положения стороны и факта использования этого положения контрагентом. Рассмотрим

наиболее показательные судебные решения, демонстрирующие текущие подходы к разрешению подобных споров.

В рассматриваемом деле Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2022 № 305-ЭС21-25765 по делу № А40-168077/2020 общество с ограниченной ответственностью «Макдоналдс» обратилось в кассационную инстанцию с жалобой на судебные акты, обязывающие заключить договор аренды земельного участка в редакции истца – публичного акционерного общества «Межрегиональная распределительная сетевая компания центра». Судебное разбирательство касалось требования Компании к Обществу заключить договор аренды на 49 лет для эксплуатации трансформаторной подстанции, установленной на земельном участке, принадлежащем Обществу. Суды трех инстанций удовлетворили требование Компании, обосновав своё решение положениями статей 421, 445 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также нормами Земельного кодекса РФ, касающимися охранных зон электросетевых объектов.

В своей жалобе Общество ссылалось на существенные нарушения норм материального и процессуального права. Оно утверждало, что трансформаторная подстанция не является недвижимым объектом, а договор аренды с навязанными условиями (длительный срок аренды, низкая арендная плата, отсутствие права на расторжение) носит кабальный характер и лишён экономического смысла для арендатора. Верховный Суд посчитал указанные доводы заслуживающими внимания, что привело к передаче дела для рассмотрения Судебной коллегией по экономическим спорам.

Суть данного спора демонстрирует один из ключевых практических аспектов применения законодательства о кабальных сделках. Кабальность сделки, как правовая категория, требует доказательства наличия существенного неравенства в условиях договора и нарушения принципа свободы договора, закреплённого в статье 421 Гражданского кодекса РФ. Рассмотрение этого дела высветило правовую проблему: баланс интересов

сторон при понуждении к заключению договора в рамках обязательных условий, продиктованных законодательством или судебным актом.

Таким образом, для преодоления подобных проблем правоприменения следует уточнить законодательные критерии определения кабальности сделок, обеспечив более чёткие механизмы защиты прав стороны, поставленной в экономически невыгодное положение. Это также позволит снизить количество судебных споров, связанных с подобными конфликтами [17].

В отличие от предыдущего дела, где рассматривался вопрос кабальности договора аренды, следующий случай касается кредитных отношений и демонстрирует иной аспект проблемы доказывания кабальности сделки. В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) индивидуального предпринимателя Петросяна Г.Л., заявитель обратился в суд с требованием признать недействительным кредитный договор, заключённый 18 декабря 2012 года, а также признать недействительными иными договорами, связанными с данным кредитом, и применить последствия недействительности сделок. Петросян Г.Л. ссылался на кабальность условий кредитного договора, которые были крайне невыгодными по сравнению с обычно заключаемыми аналогичными договорами. Арбитражные суды первой, апелляционной и кассационной инстанций отказали в удовлетворении требований заявителя, указывая на отсутствие доказательств кабальности договора и наличие у должника процессуальных возможностей ранее заявить об уменьшении неустойки, которые он не использовал. Верховный Суд РФ, изучив кассационную жалобу, не нашел оснований для передачи дела на рассмотрение в Судебную коллегию. Доводы жалобы были признаны недостаточными для изменения ранее вынесенных судебных актов [18].

Проблема, выявленная в данном деле, заключается в затруднительности доказывания кабальности сделки. Норма статьи 179 Гражданского кодекса РФ требует установления не только крайне невыгодных условий сделки, но и подтверждения того, что другая сторона воспользовалась тяжёлым положением заявителя. Отсутствие чётких критериев для оценки таких

обстоятельств создаёт неопределённость и затрудняет защиту прав участников сделок.

Для решения проблемы представляется целесообразным закрепить в законодательстве или судебной практике более детализированные критерии для оценки кабальности условий сделок. Например, установить предельные значения отклонения условий договора от среднерыночных показателей и учитывать объективные показатели тяжёлого положения стороны, такие как существенное превышение долговой нагрузки или отсутствие альтернативных вариантов заключения договора. Такое уточнение повысило бы правовую определённость и способствовало более эффективной защите прав участников гражданского оборота. Так, предлагается дополнить пункт 3 статьи 179 ГК РФ абзацем следующего содержания: «Условия сделки признаются крайне невыгодными, если они отклоняются от среднерыночных условий для аналогичных сделок более чем на 50 процентов в пользу одной стороны, либо если совокупный экономический эффект сделки для одной из сторон является явно диспропорциональным по сравнению с предоставляемым встречным исполнением».

Если в предыдущих делах суды рассматривали вопросы кабальности кредитных и арендных договоров с точки зрения их условий, то следующее дело демонстрирует важность оценки поведения сторон после заключения сделки. В рамках анализа правоприменительной практики по кабальным сделкам показательным является дело, рассмотренное Арбитражным судом Восточно-Сибирского округа. Предприниматель Эркимбаева С.К. обратилась с требованием о признании недействительным договора аренды нежилого помещения, заключенного с ООО «Рента». Истец утверждала, что договор был заключен под влиянием обмана, поскольку арендодатель умолчал о несоответствии помещения требованиям пожарной безопасности. Помещение предназначалось для размещения пункта общественного питания. Суд отказал в удовлетворении требований, установив, что недостатки помещения носили явный характер и могли быть выявлены при осмотре, а доказательств

намерения причинить вред путем сдачи помещения в аренду не представлено. Более того, помещение ранее использовалось как кафе другим арендатором, что исключает умысел на введение в заблуждение. Существенным для формирования правовой позиции стал факт длительного использования помещения истцом с регулярной оплатой аренды, что свидетельствовало о признании сделки действительной [20].

Данное дело демонстрирует важный аспект в оценке кабальности сделок: само по себе наличие недостатков арендуемого имущества не является основанием для признания сделки недействительной как кабальной. Суд подчеркнул необходимость доказывания совокупности условий: наличия тяжелых обстоятельств, осведомленности об этих обстоятельствах другой стороны и их использования для заключения сделки на крайне невыгодных условиях. Существенным является также поведение стороны после заключения сделки – длительное исполнение обязательств может свидетельствовать о признании сделки действительной и исключать возможность ее оспаривания. Такой подход обеспечивает баланс интересов участников гражданского оборота и стабильность договорных отношений.

В развитие практики по оценке кабальности сделок показательным является следующее дело, где суд рассмотрел вопрос о соотношении принципа свободы договора и защиты слабой стороны. Дело касается спора между ООО «Управляющая компания «ЮжУралЖКХ» (далее – истец) и ООО «Информационные технологии промышленной безопасности» (далее – ответчик) по договору уступки права требования. Истец обратился в арбитражный суд с требованием о взыскании задолженности и неустойки, ссылаясь на положения заключенного договора уступки. Ответчик, в свою очередь, подал встречный иск о признании договора ничтожной сделкой, мотивируя это кабальностью условий договора, злоупотреблением правом со стороны истца и аффилированностью сторон. По мнению ответчика, уступаемое право не существовало на момент заключения договора, что делает сделку несоответствующей требованиям гражданского

законодательства. Также ответчик указал, что включенные в договор условия, такие как штраф в размере 1% за каждый день просрочки, создают значительный дисбаланс интересов сторон.

Арбитражный суд первой инстанции удовлетворил первоначальные исковые требования частично, взыскав с ответчика задолженность, проценты и часть неустойки, но отказал в удовлетворении встречного иска о признании сделки ничтожной. Апелляционный суд, рассмотрев дело, изменил размер взыскиваемой неустойки, уменьшив ее в соответствии с положениями статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации, однако также отказал в удовлетворении встречного иска. Кассационная инстанция оставила в силе решения судов первой и апелляционной инстанций, отметив, что договор уступки был заключен с соблюдением требований закона, а доводы о мнимости или притворности сделки не нашли подтверждения.

Суд кассационной инстанции указал, что в данном деле имеет место реализация принципа свободы договора, закрепленного в статье 421 Гражданского кодекса Российской Федерации. При этом ответчиком не было представлено достаточных доказательств того, что условия договора создают чрезмерно обременительные обязательства, нарушают баланс интересов сторон или являются результатом злоупотребления правом. В постановлении также подчеркивается, что отсутствие у должника согласия на уступку права требования не влияет на действительность договора, если иное не предусмотрено законом или договором, что соответствует положениям статьи 382 Гражданского кодекса Российской Федерации [23].

Данное дело демонстрирует сложность доказывания кабалности сделки в рамках российской правоприменительной практики. Основной проблемой является необходимость предоставления убедительных доказательств, подтверждающих как сам факт злоупотребления правом, так и его конкретные последствия для стороны, считающей себя слабой. Включенные в договор условия, такие как штраф в размере 1% за каждый день просрочки, хотя и могут быть снижены судом, не всегда признаются кабалными, если стороны

добровольно согласовали такие положения при заключении договора. Таким образом, ключевым направлением совершенствования правоприменительной практики может стать развитие механизмов доказывания несоразмерности условий сделки, в том числе путем более четкого определения критериев кабальности. Примером судебной практики по указанной теме является Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.02.2023 № Ф09-8805/22 по делу № А76-10731/2021.

Особый интерес представляет следующее дело, где кабальность сделки рассматривалась в контексте валютных рисков и банкротства должника. В контексте исследования практических аспектов правоприменения по кабальным сделкам показательным является спор, рассмотренный Арбитражным судом Северо-Кавказского округа. В рамках дела о банкротстве ООО «ТЦ Континенталь» конкурсный управляющий пытался оспорить дополнительные соглашения к кредитным договорам, заключенным с банком, которыми производилась конвертация рублевых обязательств в доллары США. По мнению конкурсного управляющего, данные соглашения являлись кабальными и привели к банкротству должника. Суд отказал в удовлетворении требований конкурсного управляющего, установив, что перевод денежных обязательств в иностранную валюту был обусловлен обычными условиями как для должника, так и для иных кредиторов банка. При этом при конвертации снижалась процентная ставка и продлевался срок погашения задолженности. Существенно, что должник имел право рефинансировать кредит у третьих лиц с согласия банка, однако этой возможностью не воспользовался, продолжая исполнять обязательства по кредитным соглашениям [22].

Данное дело демонстрирует важный аспект в оценке кабальности сделок в современной судебной практике: само по себе изменение условий договора, даже если оно впоследствии оказалось невыгодным для одной из сторон, не может рассматриваться как основание для признания сделки кабальной. Для квалификации сделки как кабальной необходимо доказать совокупность

условий: наличие крайне невыгодных условий, стечение тяжелых обстоятельств и осведомленность контрагента об этих обстоятельствах в момент заключения сделки. При этом суды учитывают поведение сторон после заключения сделки, наличие альтернативных вариантов действий и общую рыночную практику. Важным критерием также является анализ финансового состояния должника в динамике – утрата платежеспособности должна иметь прямую причинно-следственную связь с заключением оспариваемой сделки, что в рассматриваемом деле установлено не было.

В развитие темы оценки кабальности сделок в предпринимательских отношениях показательным является следующий случай. Показательным примером в контексте рассмотрения кабальных сделок является дело, рассмотренное Арбитражным судом Уральского округа, где индивидуальный предприниматель пыталась расторгнуть договор аренды, ссылаясь на его кабальный характер. В рамках данного спора предприниматель К.С. Костюкович (арендатор) заключила с предпринимателем А.И. Ядых (арендодатель) договор аренды нежилого помещения площадью 99,9 кв. м сроком на 3 года. Арендатор, ссылаясь на закрытие торговой точки, прекращение финансово-хозяйственной деятельности и отказ арендодателя согласовать субаренду, требовала расторжения договора, утверждая, что продолжение арендных отношений является принуждением к пользованию имуществом против воли и представляет собой кабальную сделку [24]. Примечательно, что суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции, сформировал важную правовую позицию: предпринимательские риски, включая возможность прекращения деятельности и отказа в согласовании субаренды, должны осознаваться и нести хозяйствующим субъектом при заключении договора.

Данное дело демонстрирует, что при оценке признаков кабальности сделки суды учитывают статус сторон как предпринимателей и связанную с этим презумпцию их профессионализма. Существенным аспектом является то, что суд отдельно исследовал вопрос о причинах включения в договор условия

об одностороннем отказе только для арендодателя, установив, что такое условие было обусловлено объективными обстоятельствами и принято арендатором добровольно. Это формирует важный критерий разграничения между кабальными условиями и правомерным договорным регулированием: наличие разумного коммерческого обоснования спорных условий и отсутствие признаков их навязывания более слабой стороне. Данное судебное решение вносит существенный вклад в формирование критериев оценки кабальности сделок в предпринимательских отношениях, подчеркивая необходимость учета специфики предпринимательской деятельности и повышенных требований к осмотрительности коммерческих субъектов при заключении договоров.

Завершающим в анализе судебной практики является дело, демонстрирующее взаимосвязь антимонопольного законодательства и института кабальных сделок.

В рассматриваемом деле ООО «Интербридж Консалтинг» пыталось оспорить заключенный с ООО «Бизнес-Сенсорика» договор как кабальную сделку, а также взыскать убытки в размере удержанной департаментом неустойки по государственному контракту. Особый интерес для правоприменительной практики представляет попытка пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам на основании возбуждения антимонопольным органом дела о нарушении антимонопольного законодательства. Суд отказал в удовлетворении заявления о пересмотре, указав, что сам факт возбуждения дела о нарушении антимонопольного законодательства не является доказательством наличия оснований для пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам [21]. Данное дело демонстрирует важный аспект в практике рассмотрения споров о признании сделок кабальными: простое указание на невыгодность условий договора и даже потенциальное нарушение антимонопольного законодательства контрагентом не является достаточным основанием для признания сделки кабальной. Суд подчеркнул, что заключение договора во

исполнение обязательств перед третьим лицом, от которого общество получило оплату фактически оказанных услуг, не свидетельствует о том, что сторона находилась в тяжелых условиях, которыми воспользовался контрагент. Это решение формирует значимую правовую позицию: для признания сделки кабальной необходимо доказать не только ее явную невыгодность, но и факт вынужденного заключения договора именно вследствие стечения тяжелых обстоятельств, которыми воспользовалась другая сторона. Более того, суд акцентировал внимание на исключительном характере процедуры пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам, подчеркнув необходимость соблюдения баланса между принципом правовой определенности и защитой прав участников гражданского оборота.

Анализ судебной практики демонстрирует многогранность проблемы признания сделок кабальными и сложность доказывания соответствующих обстоятельств. Особую актуальность эта проблематика приобретает в современных условиях, когда внешнеполитическая ситуация вынуждает участников гражданского оборота заключать сделки в нестандартных обстоятельствах. В этой связи представляет интерес позиция российского цивилиста И.С. Шиткиной, которая рассматривает проблему кабальных сделок через призму современных вызовов предпринимательской деятельности.

С точки зрения И.С. Шиткиной, в современных условиях санкционного давления особую актуальность приобретает вопрос действительности сделок по передаче бизнеса российскими предпринимателями. Автор подчеркивает дискуссионный характер данного вопроса, отмечая двойственность ситуации: с одной стороны, очевиден вынужденный и формальный характер таких сделок, с другой – текущие политические реалии диктуют определенный подход к их оценке российскими судами.

По мнению И.С. Шиткиной, существующие в российском праве механизмы достаточны для обеспечения возможности возврата бизнеса после

вынужденного ухода. Особое внимание автор уделяет опционным соглашениям как эффективному правовому инструменту. «Опцион - довольно эффективное правовое средство, позволяющее зафиксировать право стороны на покупку акций (долей) на определенных условиях или вовсе без таковых» [33, с. 10].

Исследуя практические аспекты, И.С. Шиткина отмечает важность корректного формулирования условий опционных соглашений. «Формулировка условия, являющегося основанием для обратного выкупа, должна быть согласована сторонами с особой внимательностью и позволять документально зафиксировать наступление такого условия» [33, с. 10]. Автор подчеркивает, что неточности в формулировках могут привести к невозможности реализации права обратного выкупа.

С позиции И.С. Шиткиной, особого внимания заслуживает вопрос определения выкупной цены или опционной премии. Автор указывает на возможность установления условной цены в 1 рубль, однако подчеркивает необходимость учета налоговых последствий таких сделок и инвестиций новых собственников в развитие бизнеса.

И.С. Шиткина акцентирует внимание на том, что российские суды будут признавать сделки недействительными только в случае явных злоупотреблений правом или существенных нарушений закона. «Очевидно, что сделки будут признаваться недействительными только в случае злоупотребления правом или иных существенных нарушений закона» [33, с. 10].

По нашему мнению, позиция И.С. Шиткиной относительно практических аспектов правоприменения в отношении кабальных сделок представляется обоснованной и актуальной. Особенно важным является акцент автора на необходимости тщательного документального оформления условий сделок и учета всех правовых последствий их совершения. Соглашаясь с автором, отметим, что существующие правовые механизмы

действительно позволяют обеспечить баланс интересов сторон при условии их корректного применения.

Анализ правоприменительной практики по делам о кабальных сделках выявляет ряд системных проблем, требующих законодательного решения. Основной сложностью является отсутствие четких критериев определения кабальности сделки, что создает неопределенность как для участников гражданского оборота, так и для судов при рассмотрении подобных споров. Особенно остро стоит вопрос доказывания совокупности условий: наличия тяжелых обстоятельств, осведомленности об этих обстоятельствах другой стороны и их использования для заключения сделки на крайне невыгодных условиях.

Текущая судебная практика демонстрирует тенденцию к повышенным требованиям к доказательственной базе при оспаривании сделок по мотиву их кабальности. Суды учитывают статус сторон, их поведение после заключения сделки, наличие альтернативных вариантов действий и общую рыночную практику. При этом само по себе наличие невыгодных условий или последующее ухудшение положения стороны не признается достаточным основанием для квалификации сделки как кабальной.

Для совершенствования правоприменительной практики необходимо законодательное закрепление объективных критериев кабальности сделок, включая установление предельных значений отклонения условий договора от среднерыночных показателей и определение четких признаков тяжелого положения стороны. Важным направлением развития также является формирование единообразных подходов к оценке доказательств кабальности сделок, учитывающих специфику предпринимательских отношений и необходимость обеспечения стабильности гражданского оборота.

Представим выводы по третьей главе исследования.

Проведенное исследование практических аспектов правоприменительной практики по кабальным сделкам позволяет сформулировать следующие выводы. Признание сделки кабальной влечет за

собой комплекс правовых последствий, центральным из которых является применение двусторонней реституции согласно статье 167 ГК РФ, при этом потерпевшая сторона получает право требовать возмещения убытков, а риск случайной гибели предмета сделки возлагается на контрагента, воспользовавшегося тяжелым положением другой стороны. Существенным элементом правоприменительной практики является необходимость доказывания совокупности трех обязательных условий: наличия крайне невыгодных условий сделки, стечения тяжелых обстоятельств у потерпевшей стороны и осознанного использования этих обстоятельств контрагентом.

Анализ судебной практики выявил ряд существенных проблем, требующих системного решения. Ключевыми среди них являются отсутствие четких критериев определения кабальности сделок, сложность доказывания совокупности необходимых условий и неоднозначность оценки доказательств тяжелого положения стороны. Особую сложность представляет доказывание кабальности сделок в предпринимательских отношениях, где суды учитывают профессиональный статус участников, презумпцию их осведомленности о рисках и предъявляют повышенные требования к осмотрительности.

Для совершенствования правоприменительной практики представляется необходимым законодательное закрепление объективных критериев кабальности сделок, включая установление предельных значений отклонения условий от среднерыночных показателей и определение четких признаков тяжелого положения стороны. Так, предлагается дополнить пункт 3 статьи 179 ГК РФ абзацем следующего содержания: «Условия сделки признаются крайне невыгодными, если они отклоняются от среднерыночных условий для аналогичных сделок более чем на 50 процентов в пользу одной стороны, либо если совокупный экономический эффект сделки для одной из сторон является явно диспропорциональным по сравнению с предоставляемым встречным исполнением».

Важным направлением развития также является формирование единообразных подходов к оценке доказательств, включая разработку

методики оценки невыгодности условий и установление стандартов доказывания использования тяжелого положения.

В целом институт кабальных сделок требует дальнейшего развития как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Необходимо обеспечить баланс между защитой прав добросовестных участников гражданского оборота и стабильностью договорных отношений. Достижение этой цели возможно путем совершенствования законодательства и формирования единообразной судебной практики с учетом современных экономических реалий.

Особое внимание следует уделить совершенствованию механизмов защиты прав участников гражданского оборота, включая уточнение процессуальных аспектов оспаривания кабальных сделок и развитие превентивных мер защиты от кабальных условий.

Заключение

Исследование показало, что недействительность сделки представляет собой отсутствие или последующее прекращение правового эффекта, связанное с различными пороками. В гражданском праве установлены две основные формы порочности сделок – ничтожность и оспоримость, где ничтожная сделка недействительна с момента совершения, а оспоримая требует судебного признания недействительности.

Современная цивилистическая доктрина уделяет особое внимание механизмам защиты прав добросовестных участников гражданского оборота, включая институт реституции и возможность «исцеления» ничтожных сделок. Важным аспектом является разграничение абсолютной и относительной недействительности сделок, где относительная недействительность означает действительность распоряжения по отношению к третьим лицам, но недействительность в отношении защищаемого запретом лица.

Анализ научных позиций демонстрирует тенденцию к гармонизации частных и публичных интересов в регулировании недействительности сделок. Особую значимость приобретает развитие института добросовестности и механизмов защиты прав участников гражданских правоотношений. Современное состояние института недействительности сделок характеризуется необходимостью дальнейшего совершенствования правового регулирования с учетом развития экономических отношений и появления новых форм гражданского оборота. Исследование подтверждает, что баланс между строгостью правового регулирования и гибкостью подхода к отдельным категориям субъектов способствует достижению целей гражданско-правового регулирования и повышению эффективности защиты прав участников гражданского оборота.

Институт кабальных сделок представляет собой важный механизм защиты прав участников гражданского оборота, законодательное регулирование которого закреплено в статье 179 ГК РФ. Сущность кабальной

сделки раскрывается через совокупность квалифицирующих признаков, включающих вынужденность совершения сделки вследствие тяжелых обстоятельств, крайне невыгодные условия для потерпевшей стороны и осознанное использование контрагентом этих обстоятельств. Особую актуальность приобретает проблема разграничения кабальных сделок со смежными правовыми институтами – несправедливыми договорными условиями и подозрительными сделками в банкротстве.

В научной доктрине отмечается необходимость совершенствования законодательного регулирования данного института путем конкретизации критериев кабальности, установления четких параметров «крайней невыгодности» условий и определения специфики применения института в предпринимательских отношениях. При этом важно обеспечить баланс между защитой слабой стороны договора и стабильностью гражданского оборота, учитывая как отечественный опыт правоприменения, так и зарубежные подходы к регулированию аналогичных правоотношений. Историческое развитие института кабальных сделок от древнего понимания кабалы как долгового обязательства до современного правового механизма защиты демонстрирует его трансформацию в соответствии с потребностями гражданского оборота и необходимостью обеспечения справедливого баланса интересов его участников.

Проведенное исследование правовой квалификации кабальных сделок и условий их недействительности позволяет сформулировать ряд существенных выводов. В современной правовой доктрине сформировались различные методологические подходы к определению критериев явной невыгодности условий сделки: от формально-количественного, основанного на применении критерия двукратного превышения, до комплексного, предполагающего всесторонний анализ обстоятельств сделки. При этом наиболее перспективным представляется синтез различных подходов, учитывающий как формальные критерии невыгодности, так и качественные характеристики

сделки, включая оценку добросовестности сторон, их реальных переговорных возможностей и экономической обоснованности условий договора.

Квалификация сделки как кабальной требует установления сложного юридического состава, включающего стечение тяжелых жизненных обстоятельств на момент заключения сделки, крайнюю невыгодность ее условий для одной из сторон, осведомленность контрагента о тяжелых обстоятельствах и использование этих обстоятельств для получения необоснованной выгоды.

Проведенное исследование практических аспектов правоприменительной практики по кабальным сделкам позволяет сформулировать следующие выводы. Признание сделки кабальной влечет за собой комплекс правовых последствий, центральным из которых является применение двусторонней реституции согласно статье 167 ГК РФ, при этом потерпевшая сторона получает право требовать возмещения убытков, а риск случайной гибели предмета сделки возлагается на контрагента, воспользовавшегося тяжелым положением другой стороны. Существенным элементом правоприменительной практики является необходимость доказывания совокупности трех обязательных условий: наличия крайне невыгодных условий сделки, стечения тяжелых обстоятельств у потерпевшей стороны и осознанного использования этих обстоятельств контрагентом.

Анализ судебной практики выявил ряд существенных проблем, требующих системного решения. Ключевыми среди них являются отсутствие четких критериев определения кабальности сделок, сложность доказывания совокупности необходимых условий и неоднозначность оценки доказательств тяжелого положения стороны. Особую сложность представляет доказывание кабальности сделок в предпринимательских отношениях, где суды учитывают профессиональный статус участников, презумпцию их осведомленности о рисках и предъявляют повышенные требования к осмотрительности.

Для совершенствования правоприменительной практики представляется необходимым законодательное закрепление объективных критериев

кабальности сделок, включая установление предельных значений отклонения условий от среднерыночных показателей и определение четких признаков тяжелого положения стороны. Так, предлагается дополнить пункт 3 статьи 179 ГК РФ абзацем следующего содержания: «Условия сделки признаются крайне невыгодными, если они отклоняются от среднерыночных условий для аналогичных сделок более чем на 50 процентов в пользу одной стороны, либо если совокупный экономический эффект сделки для одной из сторон является явно диспропорциональным по сравнению с предоставляемым встречным исполнением».

Важным направлением развития также является формирование единообразных подходов к оценке доказательств, включая разработку методики оценки невыгодности условий и установление стандартов доказывания использования тяжелого положения.

В целом институт кабальных сделок требует дальнейшего развития как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Необходимо обеспечить баланс между защитой прав добросовестных участников гражданского оборота и стабильностью договорных отношений. Достижение этой цели возможно путем совершенствования законодательства и формирования единообразной судебной практики с учетом современных экономических реалий.

Особое внимание следует уделить совершенствованию механизмов защиты прав участников гражданского оборота, включая уточнение процессуальных аспектов оспаривания кабальных сделок и развитие превентивных мер защиты от кабальных условий.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Багаутдинова А.М., Анисимов В.А. Критерии разумности и добросовестности при определении условий договора в качестве несправедливых // The Scientific Heritage. 2020. №46-6 (46). С. 40-46.
2. Багаутдинова А.М., Анисимов В.А. Соотношение несправедливых условий договора с крайне невыгодными (кабальными) условиями // Образование и право. 2020. №11. С. 76-84.
3. Болтанова Е.С. Гражданское право. Общая часть: учебник / Е.С. Болтанова, Н.В. Багрова, Т.Ю. Баришпольская и другие; под ред. Е.С. Болтановой. Москва: ИНФРА-М, 2023. 515 с.
4. Головенко Ю. Кабальные сделки с недвижимостью // Жилищное право. 2020. № 7. С. 43-53.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СПС «Консультант Плюс».
6. Гужвий В.А. Признаки кабальной сделки // Форум молодых ученых. 2018. №5-1 (21). С. 945-950.
7. Дерхо Д.С. Правовая природа и признаки несправедливых договорных условий в гражданском праве // СПС «КонсультантПлюс». 2024.
8. Иванова Т.К. Сравнительный анализ подозрительных и кабальных сделок // Экономика и социум. 2018. №5 (48). С. 1839-1843.
9. Иванова Ю.В., Адаменко А.П. Виды недействительных сделок: ничтожные и оспоримые сделки // Вестник науки. 2023. №11 (68). С. 152-157.
10. Казанцева К.Ю. Недействительность сделок: вопросы теории и практики // Современное право. 2018. № 3. С. 30-37.
11. Какая сделка является кабальной и какие последствия она влечет // СПС «Консультант Плюс».
12. Карапетов А.Г. Проблемные вопросы применения ст. 174 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2018. № 1. С. 86-147.

13. Кархалев Д.Н., Громоздина М.В. Относительная недействительность сделок // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 9. С. 98-104.
14. Кузьмина А.В., Ломакина Е.А. Защита слабой стороны от навязывания несправедливых условий договора, заключаемого в сети Интернет // Российский юридический журнал. 2022. № 4. С. 121-129.
15. Малахаева М.В. Недействительность сделок в предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики // Мировая наука. 2019. №6 (27). С. 295-301.
16. Михайлов В.В. Рассмотрение дел о признании сделки недействительной и применении последствий её недействительности // Вестник науки. 2024. №12 (81). С. 623-631.
17. Определение Верховного Суда РФ от 09.02.2022 № 305-ЭС21-25765 по делу № А40-168077/2020 // СПС «Консультант Плюс».
18. Определение Верховного Суда РФ от 21.11.2024 № 308-ЭС24-15869(2) по делу № А32-26835/2021 // СПС «Консультант Плюс».
19. Павлова Е.Н. Правовые последствия недействительности сделок // Проблемы науки. 2018. №9 (33). С. 78-82.
20. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 07.12.2017 № Ф02-6681/2017 по делу № А19-3811/2017 // СПС «Консультант Плюс».
21. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07.06.2023 № Ф04-7896/2022 по делу № А70-2782/2022 // СПС «Консультант Плюс».
22. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06.12.2018 № Ф08-10587/2018 по делу № А53-34531/2016 // СПС «Консультант Плюс».
23. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.02.2023 № Ф09-8805/22 по делу № А76-10731/2021 // СПС «Консультант Плюс».

24. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.02.2020 № Ф09-358/20 по делу № А50-16429/2019 // СПС «Консультант Плюс».
25. Родина Т.Ю., Козин Д.А. Некоторые проблемы состава кабальной сделки на примере судебной практики брянской области // Экономика. Социология. Право. 2024. №2 (34). С. 74-80.
26. Рыженков А.Я. Юридический состав кабальной сделки: проблемы теории и практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. №2. С. 151-158.
27. Сметанина Н.И. Понятие, виды и форма сделок // Скиф. 2021. №12 (64). С. 162-166.
28. Соломина Н.Г. Несправедливые условия в контексте реализации защитных средств сторон предпринимательского договора // Вестник арбитражной практики. 2023. № 2. С. 14-19.
29. Ткачева М.А. О судебном «исцелении» ничтожной сделки как санкции за недобросовестное поведение стороны сделки // Вестник арбитражной практики. 2023. № 4. С. 26-33.
30. Тужилова-Орданская Е.М., Федулина Е.В. Несправедливые договорные условия в гражданском праве России и зарубежных стран // Юридический вестник Самарского университета. 2020. №1. С. 130-135.
31. Филиппова О.С. О существенных различиях сделок и решений собраний // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2024. №2. С. 35-40.
32. Цыганков В.В. Стандарты осмотрительного поведения при заключении сделок // Вестник арбитражной практики. 2023. № 4. С. 34 - 40.
33. Шиткина И.С. Бизнес современной России: новые проблемы и пути их преодоления // Право и бизнес. 2023. № 3. С. 4 - 15.
34. Яковлев Н. Микрозаем под 800% годовых. Можно ли снизить ставку через суд? // Административное право. 2016. № 2. С. 65-70.